

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

РЫЦАРИ ПОРОГА
ТОМ

1

РОМАН ЗЛОТНИКОВ,
АНТОН КОРНИЛОВ
**ПОСЛЕДНЯЯ
КРЕПОСТЬ**

Антон Корнилов
Роман Валерьевич Злотников
Последняя крепость. Том 1
Серия «Рыцари Порога», книга 4

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3746295

Злотников Р.В., Корнилов А. Последняя крепость: Фантастический роман в двух томах. Т.1:

«Издательство АЛЬФА-КНИГА»; Москва; 2012

ISBN 978-5-9922-1186-3, 978-5-9922-1187-0

Аннотация

Давно повержен маг-узурпатор Константин Великий. Но желанный мир не пришел в королевства людей. Король Гаэлونا Эрл Победитель бессилен повелевать своими землями. Его величество Эрл Победитель бессилен повелевать даже самим собою. Ибо во власти Высокого Народа не только Шесть Королевств, но и разум и сердце короля Эрла. Лишь рыцари Болотной Крепости Порога в состоянии изменить существующий порядок. Поэтому они и обвинены в измене королевству. И подлежат королевскому суду. И смертной казни...

Содержание

Пролог	4
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	21
Глава 3	29
Глава 4	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Роман Злотников, Антон Корнилов

Последняя крепость, том 1

Пролог

Этот бассейн был вырезан в плите голубого мрамора – самой большой, которая только нашлась в мире, где добывают такой камень. Купальщица скользнула с низкого бортика в теплые объятия сверкающе-розовых волн, ласкавших одна другую, вынырнула и, перевернувшись на спину, рассмеялась. Волны, вытянувшись медленными искрящимися струями, окутали тело, погрузили в подобие колыбели.

– Довольно... приятно, – сказала она, расслабившись и позволив колыбели укачивать ее. – Чем ты наполнил бассейн?

Лишенная покровов одежды, девушка стала еще красивей. Она была – невыразимо прекрасной. Длинные пряди волос цвета юной зелени нежными змеями обнимали ее тело, не скрывая, а подчеркивая восхитительную наготу.

Рубиновый Мечник Аллиарий, Призывающий Серебряных Волков только теперь позволил себе улыбнуться.

– Это дыхание певчих птиц, – сказал он. – Его собирали в течение трехсот лет по всем землям *гилуглов*... Тебе нравится, Инаиксия? Никто и никогда в Тайных Чертогах не вкушал такого купания.

– Я же сказала – это довольно приятно. Но ты дал мне понять: это еще не все из того, что ты мне приготовил?

– Да, любовь моя, это не все.

Она подплыла к бортику и протянула Аллиарию руку.

– Чего ты ждешь? Помоги мне выбраться.

– Страсть разорвет мне сердце, если я осмелюсь сейчас дотронуться до тебя, Инаиксия...

Эти слова рассмешили нагую купальщицу, Лунную Танцовщицу Инаиксию, Принцессу Жемчужного Дома.

– Я слышала о случаях, – смеясь, проговорила она, – когда кое-кто из нашего народа достигал такой степени блаженства, что одну из частей его тела действительно разрывало на части... Но то было вовсе не сердце...

Аллиарий снова улыбнулся, поднялся и, преломившись в поклоне, отступил назад. Вместо него у бортика возникло удивительное существо. Более всего оно напоминало гигантскую стрекозу, но крылья ее были словно из жидкого пламени, а громадные глаза напоминали гроздь кроваво-алых рубинов. Существо протянуло Инаиксии одну из гибких конечностей, гладкую до блеска, и, когда Лунная Танцовщица, удивленно улыбаясь, взялась за нее – взмахнув крыльями, вознесло Принцессу высоко-высоко вверх, под самый потолок необъятно громадного гулко-дворцового зала, а потом осторожно опустило рядом с бассейном – на выточенный из черного хрусталя пол. Затем существо распростерлось на полу, сложив крылья у ног девушки.

– Оно разумно, – сказал Аллиарий, появляясь рядом с Принцессой Жемчужного Дома. – И оно будет служить тебе, выполняя все, что ты пожелаешь...

– Где ты раздобыл эту диковину? – спросила Инаиксия, обходя вокруг огнекрылое создание, чтобы получше его разглядеть. – И как оно называется?

– Называй его, как тебе вздумается, любовь моя. Такого существа, как это, еще нет ни у кого в Чертогах... Поэтому его будут называть тем именем, какое дашь ему ты.

– Я буду звать его... Рубиновый Мечник, – проговорила Лунная Танцовщица и, увидев, как изменилось лицо Аллиария, снова засмеялась. – Забавно, не правда ли? Я введу этих слуг в моду, и очень скоро в Тайных Чертогах будет пруд пруди Рубиновых Мечников! Что это с тобой, Аллиарий? Я обидела тебя?

– Вовсе нет, – пробормотал Рубиновый Мечник Аллиарий и поклонился, скользнув рукой себе за спину, под плащ. Когда он выпрямился, на лице его холодно сияла непроницаемая серебряная маска.

– Оби-иделся, мой бедненький Рубиновый Мечник, – пропела полными губами Инаиксия. – Ты совсем разучился воспринимать дружеские шутки. Разве можно обижаться на друзей, мой милый... Рубиновый Мечник?..

Существо, видно решив, что на этот раз его новая госпожа обращается к нему, заклекотало и захлопало крыльями. Голос Лунной Танцовщицы Инаиксии, Принцессы Жемчужного Дома снова рассыпался довольным смехом.

– Ты знаешь, Инаиксия, что я изо всех сил стараюсь стать для тебя чем-то большим, чем просто друг, – донеслось из-под серебряной маски Аллиария.

– Стараешься, – подтвердила Принцесса. – Но вот – изо всех ли сил? Мой возлюбленный братец Лилатирий, Хранитель Поющих Книг, Глядящий Сквозь Время радуется мне чаще и лучше, чем ты... Купание в бассейне и новый слуга – это все, чем ты сегодня решил меня потешить?

– Что есть в Лилатии такого, чего нет во мне?! – вырвалось глухое восклицание у Аллиария. Но, впрочем, он довольно быстро справился с собой и, вновь поклонившись, ответил: – Нет, любовь моя, это еще не все. Прошу следовать за мной. Не прикажешь ли твоему... слуге подать тебе одеться?

– Нет, – коротко ответила Инаиксия. – Мне нравится, как ты смотришь на меня, когда я без одежды.

Они прошли несколько сотен шагов – подошвы сапог Аллиария звонко цокали о хрустальные плиты, а обнаженная Инаиксия ступала совсем беззвучно – и оказались в центре зала. Аллиарий поднял руку вверх, и в его ладонь опустилась золотая цепь. Он потянул за эту цепь. Из-под потолка выплыла и установилась на полу большая клетка из прозрачного хрусталя.

– Опять *гилуглы*... – поморщилась Инаиксия, взглянув на закрытых в клетке созданий.

Строением тела и даже чертами лица *гилуглы* сильно напоминали Аллиария и прочих представителей мужского пола, обитающих в Тайных Чертогах, но были несравненно уродливее. Пышные и богато украшенные одеяния этих созданий делали их еще более отвратительными.

– Снова *гилуглы*, – повторила Лунная Танцовщица. – Последнее время их столько стало в Чертогах! Поначалу эти создания забавляли меня, но с недавних пор, признаться, начали надоедать. Что они делают?

В клетке находилось трое *гилуглов*. И все трое были увлечены тем, что, собравшись кучкой, оглаживали и ласкали тела друг друга, постепенно освобождаясь от одежд...

– Если я не ошибаюсь, все они – самцы... – вопросительно проговорила Принцесса Жемчужного Дома.

– Да. И все находятся под действием любовных чар...

– И что же в этом интересного? Уж не предлагаешь ли ты мне, Аллиарий, поразвлечься с троицей *гилуглов*? Думаешь, я не делала этого?

– Погоди немного, любовь моя...

Аллиарий снова потянул за золотую цепь. В клетку на тонкой цепочке, прикрепленной к нижней конечности, опустилась еще одна особь. В отличие от уже находившихся в зато-

чении, одежды на ней не было. Особь, безвольно покачиваясь, повисла высоко над тремя *гилуглами*.

– Это самка! – хлопнув в ладоши, догадалась Инаиксия. – Но она... она издохла, что ли?

Призывающий Серебряных Волков нахмурился:

– Кажется, да... *Гилуглы* такие слабые... Хотя, впрочем, делу это не помешает.

Трое в клетке не сразу заметили четвертую. Но стоило одному, ненароком взглянув вверх, вскочить и подпрыгнуть в безуспешной и безнадежной попытке схватить самку, как в крайнее возбуждение пришли и другие двое.

– Смотри, любовь моя, – шепнул Аллиарий, подвигаясь вплотную к Инаиксии. – Сейчас начнется...

Гилуглы некоторое время просто прыгали и размахивали руками. Но вскоре один из них случайно толкнул другого... Миг – и пара покатила по хрустальному полу, сцепившись в остервенелой драке и вереща. Они сшибли с ног третьего, и ком из трех извивающихся тел забился под все еще покачивающимся голым трупом.

– Тебе нравится? – спросил Аллиарий.

Принцесса, не говоря ни слова и не отрывая взгляда от зрелища, стряхнула со своего плеча его руку.

Поначалу *гилуглы* молча дрались кулаками и коленями, потом самец в камзоле с оторванным рукавом впился зубами в лицо своему противнику. Тот истошно заорал, отпихивая врага ногами, – поднялся и снова упал, пытаясь перекрыть ладонями струю крови, бьющую из того места, где только что был его нос... Но злоба пересилила боль. Лишившийся носа, рыча, навалился на первого, попавшегося ему, вцепился в горло, заливая его своей кровью... Вид крови точно опьянил дерущихся. Забыв про кулаки, они рвали друг друга зубами... Вскоре один из *гилуглов* откатился в сторону. Горло его было разорвано, и глаза уже начали мутнеть, точно застывающая на морозе вода.

– И этот мертв, – прошептала Инаиксия. Наблюдая за кровавой дракой, Принцесса сплетала и расплетала тонкие пальцы, то и дело проводя по губам кончиком языка. – Послушай, Аллиарий, – сказала она, – не думаю, что подобное обращение с *гилуглами* понравится кому-то еще в Чертогах...

– Главное, что это представление нравится тебе, любовь моя.

– Ты прав, Призывающий Серебряных Волков, ничего подобного я прежде не видела. Но Форум вряд ли это одобрит. Они будут говорить о том, что такое отношение к *гилуглам* не делает чести Высокому Народу.

Аллиарий звонко рассмеялся:

– О, любовь моя, ты ведь никогда не покидала Тайных Чертогов? Если бы ты хоть раз посетила мир *гилуглов*, ты могла бы убедиться: то, что мы наблюдаем сейчас, нормальное для этих созданий поведение. Вся их жизнь состоит из кровопролитий; драки и склоки – основы их существования. Это вовсе не фигура речи, это – истина. Хоть время, отпущенное им, – коротко, но размножаются они чересчур обильно.

– То, что происходит в мире *гилуглов*, – проговорила Инаиксия, с улыбкой глядя на то, как один из дерущихся душил другого, а удушаемый из последних сил старается пальцами выдавить врагу глаза, – пусть остается в мире *гилуглов*. Кровопролития потешают своей необычностью, но... если воспринимать их как порядок вещей... – она заправила за острое ухо прядь зеленых волос, – понимаешь, насколько это мерзко. Это не для Тайных Чертогов.

– Форум... – пробормотал Рубиновый Мечник. – Что мне Форум! Я столько сделал для Высокого Народа, что мне позволительно и не такое... Это благодаря мне – одному мне – был сокрушен Убийца Из Бездны! Это благодаря мне, а не другим, в числе которых был и твой обожаемый братец Лилатирий, – Тайные Чертоги обрели Темный Сосуд, вместилище

могучего духа Блуждающего Бога... Может быть, это Лилатирий или кто-то еще вели воинов Высокого Народа в бой в том сражении в месте, именуемом *гилуглами* «Предгорье Серых Камней Огров»?! Это мне принадлежит победа в той битве! Это я заслужил право стать Хранителем Темного Сосуда! Я!.. А ты говоришь, возлюбленная Инаиксия, что Форум осудит меня... Они даже пожурить меня не осмелятся!

– Ты не в первый раз произносишь подобные речи, Аллиарий, – снова улыбнулась Лунная Танцовщица. – Но мой брат и Орелий, Принц Хрустального Дворца, Танцующий На Языках Агатового Пламени – так же часто высказываются в том смысле, что ты преувеличиваешь важность своей роли в той битве. И преступно преуменьшаешь – важность их ролей.

– Я был одним из тех, кто сражался! – воскликнул Призывающий Серебряных Волков. – Я командовал отрядами Высокого Народа!

Но Инаиксия уже не слышала его – схватка существ в хрустальной клетке подошла к концу. Выживший, тяжело дыша и кашляя, сидел на трупе с посинелым лицом. Из черноты пустых глазниц победителя до самого подбородка тянулись широкие кровавые полосы. Победитель поднялся и слепо зашарил руками над головой. Лунная Танцовщица с интересом смотрела – что же будет дальше?

Прямо из воздуха над головой Аллиария соткалась птица, матово-черное оперенье которой густо покрывала нестерпимо сияющая золотая вязь. Очень длинным и тонким клювом птица коснулась уха Аллиария.

Рубиновый Мечник Аллиарий, Призывающий Серебряных Волков вздрогнул.

Птица сорвалась с его плеча и растаяла.

– Любовь моя, – проговорил Аллиарий, – я должен покинуть тебя ненадолго. Форум требует моего присутствия. У них есть, что сказать мне...

Голос его звучал несколько растерянно. Но Инаиксия не ответила. Она будто и не слышала Рубинового Мечника. Она наблюдала, как ослепленный *гилугл*, всхрипывая, прыгал, все еще пытаясь схватить висящий над ним труп самки.

Часть первая Зараженная кровь

Глава 1

Его величество король Гаэлона Эрл Победитель стоял на балконе верхнего яруса Башни Ветров, самой высокой башни Дарбионского королевского дворца. Северный ветер, свирепый и дерзкий, трепал выющиеся пряди золотых волос его величества, шевелил складки тяжелой пурпурной мантии. Взгляд пронзительно-голубых глаз короля был устремлен вниз – на город Дарбион. Глыбистые каменные дома центральной части величайшего города королевства отсюда казались семейством грибов, лепящихся, как к древесному стволу, к громаде дворца. По узким и извилистым улицам, словно по раскрытым норкам, двигались крохотные человечки, медленные, будто гусеницы. Чуть дальше от городского центра улиц было уже не различить, крыши домов наползали друг на друга, как чешуя на тулове свернувшейся в клубок гигантской змеи. А окраины и вовсе представлялись гладкой россыпью мельчайших камешков, наполовину утонувших в голубом утреннем тумане.

А тут, наверху, открывался совсем другой мир – необъятно огромный, распахнутый во все стороны, светлый и свободный. Только птицы – то совсем близко, то далеко-далеко – проплывали по воющим волнам ветра. И, глядя вниз с высоты полета этих птиц, странно было наблюдать скученные в несуразный муравейник тесные жилища людей.

Эрл Победитель был не один. Кроме него на балконе находились еще двое – мимолетного взгляда хватило бы, чтобы определить: это вовсе не люди. Рост этих существ намного превышал человеческий, но они вовсе не казались великанами. Телосложение их было настолько утонченно-изящным, а движения преисполнены такой невыразимой грации, что сразу становилось ясно: раса, представителями которой являлись эти существа, суть идеал физической красоты. А все человеческие красавцы и красавицы – только карикатурные подделки под этот идеал.

Стоявшие в то утро рядом с королем Гаэлона на балконе верхнего яруса Башни Ветров были детьми Высокого Народа, эльфами – как их еще называли на землях Шести Королевств.

– Ты прошел долгий путь, рыцарь, – заговорил один из Высокого Народа. Он был облачен в белые одежды, имя его было – Орелий, Принц Хрустального Дворца, Танцующий На Языках Агатового Пламени, а голос походил на звон алмазных горошин в ледяном кубке. – Ты прошел долгий и славный путь. И принес в свое королевство мир и покой.

– Твой путь был бы еще более долог, был бы неизмеримо более труден, и – кто знает – возможно, прервался бы там, в Предгорье Серых Камней Огров, если бы не помощь нашего Народа, – сказал второй эльф, облаченный в одежды цвета бирюзы. Его имя было – Лилатирий, Хранитель Поющих Книг, Глядящий Сквозь Время. – Тебе и твоим подданным важно помнить об этом.

Король Эрл несколько мгновений молчал. Лучи бледного солнца вспыхивали и гасли на серебряных масках, скрывающих лица эльфов.

– Никто никогда не забудет о том, что Высокий Народ пришел на помощь людям в темные дни войны с узурпатором гаэлонского престола Константином, ведомым Убийцей Из Бездны, – проговорил, повернувшись к Лилатирию, Эрл. – Благодаря вам на землях моего королевства больше не льется кровь и не гибнут безвинные.

– Это так, – сказал Орелий. – Но посмотри, – добавил он и, подняв руку, замысловато изогнул пальцы.

Тотчас ветер ударил в лицо королю, и в ушах его засвистело. Границы поля зрения Эрла вдруг неимоверно расширились, словно король каким-то образом мгновенно взлетел к самому солнцу. Теперь он видел под собой лоскуты крестьянских наделов и поля их господ; увенчанные острыми башенными шпильями города и похожие на скомканные драные тряпочки деревни и поселки, раскиданные по берегам извилистых рек. Видел бескрайние голубые леса на востоке и сияющие изумительной синевой озера Белых гор на западе, угрюмые колючие гряды Скалистых гор на юге и пологие склоны Ледников Андара на севере – откуда брала начало могучая Нарья, рассекающая синим серпом все королевство Гаэлон. Его королевство Гаэлон...

У Эрла захватило дух. Он покачнулся и, ища опоры, судорожно схватился за холодный камень парапета. Подошвы сапог сухо скрипнули по плитам балконного пола. Эрл едва не вскрикнул, удивленный тем, что, оказывается, на самом деле не парит в небесах, а стоит на том же балконе. Но стоило ему оторвать взгляд от мраморных плит, как его голова снова закружилась.

Теперь он ощутил, что словно бы взлетел еще выше.

Теперь король мог видеть не только Гаэлон, но и соседствующие с ним королевства. Стоило чуть повернуть голову, и перед ним открылись лесные поселения Кастарии на юге. Стоило взглянуть на запад – и он увидел башни университетов и библиотек Крафии, укрытой скалами Белых гор от извечного своего врага: небольшого, но воинственного княжества Линдерштерн. Взор короля беспрепятственно проникал за гряды Скалистых гор, где раскинулись владения Марборна, королевства, лишь немного уступающего по могуществу великому Гаэлону, – и еще дальше: сквозь бесплодные Земли Вассы и гибельные Красные Пески – к зеркальным куполам дворцов далекого южного королевства Орабия...

А потом все изменилось. Приобретенное чудесное зрение перестало повиноваться Эрлу. Он видел не то, на что смотрел, а то, что заставляла видеть чужая воля.

...Вот пылают грубо срубленные из массивных бревен сторожевые башни одной из лесных крепостей Кастарии. Беззвучно крича, бросаются из объятых пламенем окон люди. На крепостные стены, земля под которыми истоптана, пропитана кровью и усеяна трупами, при помощи крюков и веревок карабкаются воины в кожаных доспехах. Защитники крепости отчаянно отбиваются – но их остается все меньше и меньше, потому что вражеские лучники, засевшие на ветвях растущих вокруг крепости деревьев, одного за другим сшибают смельчаков длинными стрелами...

...А вот несущий тьму вихрь налетает на пылающую крепость – и под его черными крыльями гаснет пламя. Тьма начинает таять, и скоро становится видно, как по гулким коридорам Уиндромского королевского дворца, уже многие века служившего главной резиденцией марборнских королей, движется вооруженная процессия: дюжина человек с обнаженными мечами в руках, но без доспехов. К правому рукаву каждого из участников процессии приколоты три красных петушиных пера. Ведет вооруженных людей коренастый мужчина с клочковатой пегой бородой – у него, единственного, на плечах плащ с фамильным гербом: красный петух с золотыми шпорами. Люди идут, не таясь. Да и от кого им таиться? То и дело по пути попадаются лежащие вдоль стен тела стражников, лезвия их алебард не обгажены кровью – видимо, на стражей напали внезапно и закололи прежде, чем те успели вступить в бой. Процессия поднимается по широкой лестнице, ведущей к королевским покоям. Широкий коридор, по стенам которого располагаются двери в опочивальни членов королевской семьи, сплошь забрызган кровью. Не менее двух десятков изрубленных тел валяются в коридоре. Люди с красными перьями на рукавах, перешагивая через трупы, приближаются к одной из дверей – самой большой из всех, двустворчатой, окованной массивными железными листами, покрытыми причудливой резьбой. Там их уже ждут. Семеро в темных

одеждах, изорванных и залитых кровью. Двое из этих семерых ранены настолько тяжело, что едва могут стоять. Некоторое время пришедшие о чем-то взволнованно разговаривают с ожидавшими. Затем мужчина в плаще решительно распахивает дверь и, держа меч наготове, входит в опочивальню... Возвращается он скоро. Меча при нем уже нет. В одной его руке – королевская корона с прилипшими к ней седыми прядями волос в кровавых сгустках и бело-серыми ошметками мозгового вещества. В другой – отсеченная голова со страдальчески распахнутым бледногубым старческим ртом...

...Тьма пожирает коридоры Уиндромского королевского дворца. И тотчас эту тьму прорезают каменные громады, светящиеся неземным белым светом. Эти горы, точно облитые молоком небесных кобылиц, лежат на запад от Гаэлона – их зовут Белыми горами. Здесь даже самой глухой осенней ночью светло так, что можно видеть на несколько шагов вокруг... По извилистой горной тропе неслышно скользят друг за другом воины, облаченные в косматые одежды из шкур диких животных. Вооружены они тяжелыми топорами, короткими луками; на поясах – по несколько кривых ножей, и почти у каждого за спиной связка легких дротиков. Воины движутся по извилям тропы так быстро, и их так много, что этот нескончаемый поток напоминает громадную хищную многоножку, стремящуюся за добычей.

Горная тропа ныряет в ущелье, выход из которого заперт крепостью с высокими стенами. На сторожевых башнях ровным светом горят костры, караульные ратники в сияющих доспехах мерно вышагивают по стенам. При одном только взгляде на крепость становится ясно: воины в косматых шкурах – сколько бы их ни было – нипочем не смогут взять штурмом эту цитадель. Как и многие столетия до этого, очередная атака князей Линдерштерна разобьется об оборонительные строения на пограничных заставах королевства Краффи. Но почему же ратники Линдерштерна движутся вперед с такой наглой уверенностью? И что несут на плечах воины, замыкающие шествие? Какие-то громоздкие мешки и какие-то странные длинные трубки?..

...И вдруг в глаза Эрлу ударяет солнечный свет, и перед взором короля Гаэлона открывается бескрайняя пустыня, застывшие волны песка, буро-красного, как запекшаяся кровь. Его величество видит каменного идола, высящегося посреди песчаного моря. У этого идола звероподобное угловатое туловище и четыре лица, обращенные на четыре стороны света. То, что идолище поставлено здесь, означает: где-то недалеко располагаются поселения людей. Предки местных жителей возводили таких идолов, чтобы те охраняли их жилища от злобных духов Красных Песков...

У подножия истукана сидит юноша. Кольца его иссиня-черных кудрей перехватывает золотая диадема, украшенная крупным бриллиантом, – в Орабии это знак принадлежности к королевской семье. Одежда (дикий вид длинная куртка, больше напоминающая женское платье, и широченные штаны) сияет нашитыми разноцветными украшениями, но в нескольких местах она продрана, и в этих прорехах темнеют кровавые раны. В руках у юноши тяжелый ятаган... вернее, то, что от него осталось. Клинок сломан на расстоянии ладони от изукрашенной драгоценностями рукояти. Лицо юноши серо от пыли и отчаяния. По ту сторону идола валяется труп невиданного животного, напоминающего лошадь, но гораздо более крупного, с двумя горбами на поросшей рыжей шерстью спине. Несколько стрел торчат из трупа. От него к подножию идола, где сидит юноша, ведет неровная цепочка шагов.

К истукану торопливо приближаются двое: одежда на них такого же странного покроя, как и на юноше, но из простой ткани, к тому же на головах этих людей намотано тряпье, выполняющее, видимо, роль головного убора. Хищный оскал на лицах людей не оставляет никакого сомнения в том, что они – убийцы, загнавшие наконец свою жертву туда, откуда ей нипочем не сбежать. В руках у убийц – опасно поблескивающие ятаганы. Заслышав шаги, юноша на мгновение замирает. Но тут же, очнувшись, разматывает и срыгает с себя пояс.

Сломанный ятаган падает на песок, юноша подхватывает его и сует за пазуху. Сложив длинный пояс в несколько слоев, он поднимает с земли три камня, невесть когда отколовшиеся от древнего идола. Затем юноша выскакивает из-за своего укрытия.

Первый снаряд из импровизированной пращи попадает одному из убийц точно между глаз. Тот опрокидывается навзничь, прочерчивает в жарком воздухе кровавую дугу. Два других камня, пущенных юношей, уже не застают врага врасплох – последний из убийц без труда уворачивается от них. И, подняв ятаган, бросается в атаку. Юноша успевает выхватить из-за пазухи свое жалкое оружие. У него получается даже отразить пару ударов. Но хлестким выпадом убийца выбивает сломанный ятаган из рук противника и жестоким ударом рукояти в лицо повергает обезоруженного наземь. Теперь убийца не торопится. Жертве никуда не деться...

Юноша вдруг вскакивает на ноги. Размахивая руками, он что-то говорит, о чем-то умоляет... Откуда-то из складок своего одеяния достает небольшой кожаный мешок и швыряет его к ногам наемника. Золотые треугольные монеты рассыпаются из мешка по красному песку. А убийца, расхохотавшись, указывает кривым клинком на диадему на голове юноши. Тот с искаженным лицом отрицательно качает головой. Убийца хохочет над нелепыми попытками жертвы выторговать себе жизнь... Что помешает ему ободрать юношу дочиста уже после того, как он разрежет ему горло? Впрочем, через пять ударов сердца наемник опускает ятаган и, склонив голову, начинает прислушиваться внимательнее – к тому, что, задыхаясь и жестикулируя, говорит несчастный. Нетрудно догадаться, о чем идет речь. Этот юноша с диадемой в черных курчавых волосах принадлежит к королевской семье, он несказанно богат. В обмен на свою жизнь он готов дать наемному воину столько золота, сколько тот не видывал даже во снах. Опустившись на колени, юноша пальцами чертит на песке какой-то план. По тому, как он с ненужной тщательностью вырисовывает условные обозначения деревьев, строений и дорог, можно понять – побежденный стремится выиграть время. А безостановочно говорит – чтобы заморочить своего врага. Рисунок на песке становится все больше. Продолжая очередную линию, знатный юноша подползает к убийце (тот, околдованный речью своей жертвы, весь обратился в зрение и слух) и вдруг швыряет в лицо противнику пригоршню песка! Наемник, резко отпрянув, роняет свой ятаган... Через мгновение оба, яростно колотя друг друга, катаются по красному песку – и уже неясно, кто из них убийца, а кто – жертва. Впрочем, жажда жизни оказывается сильнее опыта и силы – подмяв под себя противника, принц впирается руками в его горло; злодей сучит ногами, взбивая красную песчаную пыль, наносит кулаками по лицу и голове неудавшейся жертвы беспорядочные удары, которые становятся все слабее и слабее... Скоро юноша поднимается. Бледная улыбка блуждает по его окровавленному лицу. Неведомый принц из далекой страны сумел выжить. Он победил – но лишь на этот раз. А что ждет его дальше?..

Будто порыв ветра хлестнул по лицу короля Гаэлона. Эрл часто заморгал, почувствовав резь в глазах, а в голове – мутноватое, странное и пугающее ощущение, какое испытывает человек всякий раз, когда его неожиданно вырывают из объятий глубокого сна. Он открыл глаза и обнаружил, что стоит все на том же балконе Башни Ветров, а далеко под ним расстилается великий Дарбион, столица его королевства.

Эльфы застыли по бокам от него.

– Зачем вы показали мне все это? – хотел спросить Эрл, но не успел. Лилатирий заговорил прежде, чем он открыл рот.

– В Гаэлоне теперь спокойно, – сказал Хранитель Поющих Книг, Глядящий Сквозь Время, – но на землях королевств, окружающих его, по-прежнему льется кровь и гибнут люди.

– То, что вы мне показали... – начал было король.

– Происходит на самом деле, – ответил Орелий, Принц Хрустального Дворца, Танцующий На Языках Агатowego Пламени, – в этот час, пока мы с тобой, рыцарь, стоим здесь.

Эрл помолчал. Отер лицо ладонями. Все-таки он еще не полностью оправился от резкого перехода из мира беззвучных видений к действительности.

– Так было всегда, – сказал наконец король. – Власть пьянит людей. Константин, называвший себя Великим, стремился объединить все Шесть Королевств в единую Империю. Для этого он создал цепь заговоров, уничтоживших правителей соседствующих с Гаэлоном государств. И поставил на их места своих людей. Но установленная таким образом власть не продержалась долго. Как только вековое равновесие пошатнулось, нашлось множество тех, кто посчитал себя достойным занять престол. Так закрутилось колесо кровавых войн. Но скоро все прекратится. Сильнейшие пожрут слабых, и во всех Шести Королевствах вновь наступит мир.

– Надолго ли? – усомнился Лилатирий. – Стремление людей к власти подобно жажде. Никогда не получится утолить ее досыта. Пройдет какое-то время, и снова захочется пить. Люди гибнут, потому что нет крепкой руки, способной удерживать в кулаке власть над всем человеческим миром сразу.

Эрл удивленно воззрился на эльфа. Он словно не поверил в то, что услышал.

– Высокий Народ обеспокоен тем, что творится в Шести Королевствах, – продолжил Орелий. – Высокий Народ помог народу Гаэлона выбраться из трясины Смутных Времен, тогда как прочие государства накрепко в этой трясине увязли. Мы, эльфы, с одинаковым тщанием заботимся обо всем человечестве. И пока над всеми Шестью Королевствами не воцарится единая власть, на этих землях всегда будет литься кровь.

– Насколько мне известно, – проговорил Эрл, – Высокий Народ всегда противился тому, чтобы люди объединялись. Разве не для того, чтобы предупредить становление новой Империи, Высокий Народ встал на нашу сторону в войне с Константином?

– Время идет, и многое меняется, – сказал Орелий. – Разве ты сам не чувствуешь этого, рыцарь? Высокий Народ и люди сражались бок о бок друг с другом, сражались и гибли... Если бы ты узнал об этом до того, как все произошло, – ты бы поверил?

– Нет, – честно ответил Эрл. – После Великой Войны... эльфы лишь изредка снисходили к людям. И никогда не помогали им в их бедах.

– Все изменилось, – повторил Орелий. – Высокий Народ оценил то, как люди могут принимать решения и следовать велениям высшей цели несмотря ни на что. Если хочешь знать правду, рыцарь, мнение эльфов о людях – изменилось. Когда-то мы считали, что человечество еще не достигло той ступени развития, на которой можно перейти к другому уровню существования. После войны с Константином мы поняли: это время настало.

– Высокий Народ, – произнес Лилатирий, – будет рад заключить союз с новой и могучей Империей людей. Единовластие многократно усилит человечество. И нам больше не придется сражаться и умирать, чтобы спасти земли людей от кровавого хаоса. Наш Народ слишком малочислен для этого. Жизнь каждого из нас слишком ценна.

– Гаэлон, Марборн, Крафия, Линдерштерн, Кастария и Орабия станут одним государством, – сказал Орелий. – И лучшего императора, чем ты, рыцарь, мы не видим.

– Не сомневайся, – добавил Лилатирий. – Высокий Народ поможет тебе создать Империю.

– Это... – внезапно охрипнув, проговорил Эрл. – Это очень неожиданно.

– Империи – быть, – твердо произнес Орелий. – Она просто необходима для человечества. И начинать строить ее нужно именно сейчас – когда вековой порядок в Шести Королевствах уже безнадежно разрушен. Удобнее момента не придумаешь. Стать императором должен ты, рыцарь. Кто еще, кроме тебя? Ты молод, но умен. Ты заслужил наше доверие и

любовь своих подданных, освободив их от страшного гнета узурпатора. Очень скоро твоя невеста, рыцарь, ее высочество принцесса Лития, прибудет в Дарбион. Вы вступите в брак – и дадите начало новой династии. Императорской династии, рыцарь.

Король Гаэлона Эрл Победитель пришел в себя. Ему теперь даже странно было, что поначалу он так изумился предложению эльфов. Сейчас все, о чем говорили Хранитель Поющих Книг и Принц Хрустального Дворца, казалось простым и понятным. Да – единовластие положит конец череде войн в Шести Королевствах. И да: именно он – тот единственный человек, который сумеет стать первым императором.

– Империи – быть, – негромко повторил Эрл.

– Запомни, рыцарь, – веско произнес Лилатирий. – В этот самый момент решила судьба всего мира людей. Этот день станет началом новой страницы истории человечества.

Эрл кивнул. Что тут было говорить? И так все предельно ясно...

– Нужно действовать быстро и решительно, – продолжил Лилатирий. – По-настоящему великие свершения не терпят промедлений. И первое, что нужно сделать тебе, рыцарь, – это обуздать Орден Королевских Магов. А еще лучше – вовсе упразднить.

Король нахмурился:

– Но ведь это... Разве можно лишать королевство защиты магов? Орден и без того сильно пострадал в ходе войны. Его нужно восстанавливать, а вовсе не обуздывать или упразднять!

– Восстанавливать? – воскликнул Орелий. – О чем ты говоришь, рыцарь? Маги едва не погубили твое королевство, а ты сам стремишься поскорее залечить их раны!

– Королевство без Ордена Магов сильно ослабеет, – упрямо проговорил Эрл. – Нет... Я никак не могу пойти на это. К тому же те маги, которые сражались против нас, давным-давно мертвы.

– На их место придут другие.

– Другие – вот именно, – кивнул Эрл. – Они будут другими. Я сам воспитаю их так, как должно.

Эльфы переглянулись. И не стали дальше спорить. Видно, в их планы не входило заканчивать столь важный разговор конфликтом. Лилатирий Глядящий Сквозь Время смилился тому:

– Было бы очень хорошо, если бы твоя свадьба с принцессой, рыцарь, состоялась уже в ближайшие дни, – сказал он.

– Двадцать два дня назад я отправил большой отряд во главе с сэром Бранадом к Болотной Крепости Порога, где мои братья рыцари укрыли ее высочество принцессу Литию от слуг Константина, – сообщил Эрл. – Я повелел сэру Бранаду не медлить в пути, но дорога до Туманных Болот так долга...

– Не беспокойся, рыцарь, – сказал Лилатирий. – Я улажу это дело.

Лицо короля вдруг исказилось.

– Нет! – выкрикнул он. Но, тотчас взяв себя в руки, продолжил более спокойно: – Я бы не стал так спешить.

– Почему, рыцарь? – спросил Лилатирий. – Теперь я вижу, что-то беспокоит тебя... – Алые огоньки тепло запульсировали в прорезях его маски.

Король поспешно отвел глаза. Ему вовсе не хотелось, чтобы эльф прочитал в его голове... то темное и смрадное, что жестоко мучило его последние дни. Высокий Народ не должен знать об этом! Никто не должен знать...

– Мы поможем тебе, – сказал Орелий. – Тебе ведь известно, что мы сделаем все, чтобы помочь тебе. Почему ты не хочешь, чтобы ее высочество как можно скорее оказалась во дворце?

– Я... всем сердцем желаю поскорее увидеть Литию! Я просто хочу сказать... следует лучше подготовиться к прибытию принцессы.

– За этим дело не станет, – отозвался Лилатирий. – Если ты пожелаешь, мы и в этом тебе поможем. Итак... я доставлю ее высочество во Дворец уже через несколько дней. Ты ведь не против того, чтобы встретиться с возлюбленной, скажем, через два дня?

Эрл как-то ломано кивнул.

– Да, да... – сказал он. – Конечно, не против...

Это было весеннее яркое утро на опушке зеленого леса, раскинувшего тень близ проезжей дороги, ведущей из города Ардоба – одного из захолустных городков на дальних юго-западных рубежах королевства Гаэлон. На дороге утопала в жирной черной грязи карета, запряженная тройкой жеребцов. Еще около десятка оседланных коней пощипывали неподалеку молодую травку. На козлах кареты сидел тощий, как вяленая треска, кучер и, разинув рот, глядел в сторону опушки.

А над лесом натянутой до предела струной тревожно гудела тишина.

Удивление кучера было понятно. Не бывает такой странной тишины там, где на нешироком пятачке собралась довольно большая группа людей – не менее семи десятков. У дороги стояли на коленях, склонив головы, десять вооруженных воинов. Среди них выделялся один, чьи доспехи во многих местах сияли позолотой, а плюмаж на шлеме полыхал, как костер. Чуть поодаль замер в седлах отряд численностью в полсотни клинков. Возглавлявший отряд чернобородый рыцарь напряженно стиснул ладонь на рукояти меча. Между коленопреклоненными воинами и воинами, восседавшими на конях, стояли пятеро.

Одной из них была юная девушка в простой дорожной одежде из кожи. Волосы ее, туго стянутые на затылке крепким узлом, отливали золотом под весенним солнцем. Рядом с девушкой стояли трое рыцарей. Первый рыцарь был облачен в полный доспех, но необычен был этот доспех – явно не из металла ковался он. Будто в черные зеркала обернули рыцаря, но в зеркала, не способные отражать свет, – казалось, что сама душа тьмы затаилась внутри доспешных пластин. Шлем венчался пучком длинных и гибких игл, а поднятое забрало открывало юное лицо, обрамленное прядями темных волос, в которых почему-то поблескивали нити седины. Второй рыцарь был стар. Об этом представлялась возможность судить по аккуратно подстриженной белой бороде да морщинам на сухом лице – тень от поднятого забрала делала эти морщины еще глубже и резче. Доспех рыцаря также выглядел странно и даже пугающе. Похоже, броню старика изготовили из панцирей каких-то невиданных гигантских насекомых. Она была ядовито-лилового цвета и сплошь щетинилась шипами: на груди и спине – короткими тонкими и прямыми, на сочленениях рук и ног – крупными и зазубренными, а на плечах – длинными и угрожающе изогнутыми. На шее, на поясах и запястьях обоих рыцарей посверкивали десятки диковинных амулетов. Оба были вооружены мечами с рукоятями в виде голов виверны; у юноши – меч висел на поясном ремне, а у старика – крепился за спиной. Третий рыцарь, хоть и смотрелся настоящим великаном, возрастом явно ненамного превосходил юношу с сединой в волосах. Грубоватое его лицо понизу курчавилось жидкой светлой бородкой, а белокурые, коротко остриженные волосы, должно быть, никогда не знали гребня. Доспехи верзилы были кожаными, давно и изрядно иссеченными. Над правым его плечом торчала рукоять боевого топора.

А пятый... тот, который стоял напротив этих четверых... и вовсе не являлся представителем человеческой расы. Его звали – Лилатирий, Хранитель Поющих Книг, Глядящий Сквозь Время.

Было слышно лишь лошадиное фырканье да беззаботное пение птиц. Люди не издавали ни звука. Тишина казалась настолько страшной и тянулась так долго, что ничего уди-

вительного не было в том, что откуда-то из группы стоящих на коленях послышался истерический всхлип.

Вслед за этим юный рыцарь в черных доспехах обнажил меч – жуткий меч с багровым, причудливо искривленным клинком. Опустил забрало и проговорил, обращаясь к эльфу:

– Она останется.

Из ротовой прорези серебряной маски эльфа вырвалось короткое, едва слышное шипение.

– Ты представляешь себе, рыцарь, – прозвенел голос Лилатирия, – какие последствия повлечет за собой твой поступок?

Черный рыцарь ничего не ответил. За него сказал старик в шипастых доспехах:

– Ее высочество не изъявила желания следовать за тобой. Чтобы заставить ее, ты применил магию. Когда действием своих амулетов мы развеяли твои чары, ее высочество подтвердила свой отказ. У нас нет причин доверять тебе, эльф. Но даже если бы и были – сэр Кай и сэр Оттар поклялись оберегать принцессу от всех напастей...

Юный рыцарь в черных доспехах (как видно, его звали сэр Кай) и белокурый великан, вооруженный топором (это он носил непривычное для уха жителей Гаэлона имя Оттар), одновременно обернулись, чтобы поклониться золотоволосой. Принцесса ответила им преисполненным благодарности взглядом. На дне ее глаз все еще плавал страх, и по тому, что страх этот загорался ярче, когда она смотрела на эльфа, было ясно: Лилатирий пугал ее.

– И пока никто не освобождал их от несения этой службы, – договорил старик. – Ее высочество пойдет в Дарбион вместе с нами.

– Я не намерен причинить ее высочеству ни малейшего вреда. – Теперь голос Лилатирия звучал вкрадчиво – но в нем ясно были слышны нотки едва сдерживаемого гнева. – Я всего лишь предложил ее высочеству силой магии перенестись в Дарбионский королевский дворец. Это займет только мгновение, тогда как обычный путь растянется на долгие недели.

– Сказано тебе, – прорычал белокурый великан в кожаных доспехах. – Принцесса пойдет вместе с нами. И нечего больше турусить.

По рядам воинов, окружавших эльфа, принцессу и рыцарей, пронесся изумленный вздох. Мыслимо ли представить, чтобы обычные люди так разговаривали с представителем Высокого Народа?! Народа, коему все человечество было обязано избавлением от незаконной власти ужасного мага Константина?!

Лилатирий, кажется, хотел что-то сказать. Но, видно, прорвавшийся наружу гнев не дал ему сделать этого. Он снова зашипел, и на этот раз шипение вышло громким: режущим слух, точно ржавый кинжал.

Старик-рыцарь опустил забрало. Белокурый сэр Оттар поднял руку к рукояти топора, видневшейся за плечом.

Тогда эльф неувовимо быстро изогнулся всем телом, словно пронзенный внезапной судорогой. Он вскинул руки вверх и молниеносным взглядом, вспыхнувшим в глазных прорезях серебряной маски, окинул все вокруг.

Будто рябь пронеслась по картине действительности, на крохотную долю мгновения превратив реальность в плоское изображение. А когда все снова стало как обычно, в том месте, где только что находился Лилатирий, медленно развеивались полосы синего дыма.

И тут же злобный – как бы нечеловеческий рев – накрыл лесную опушку. Этот рев рвался из распяленных ртов ратников, окружавших принцессу и рыцарей. Те, кто стоял на коленях, повскакивали на ноги, с лязгом выхватывая мечи из ножен. Те, кто сидел на конях, кинулись на землю, торопясь так, что многие запутались в стремях.

Воины – все, более шестидесяти человек – с обнаженными мечами в руках бросились на троих рыцарей. Даже облепленные дорожной грязью мужики-слуги, путешествовавшие на запятках кареты, размахивая кулаками, ринулись в бой. Даже тщедушный кучер – и тот

соскочил с козел и, поудобней перехватив рукоять своего кнута, вклинился в общую вопящую кучу.

Волны нападавших обрушились со всех сторон и захлестнули рыцарей и принцессу.

Оттар проворно выпростал двуручный топор из наспинной перевязи, успел крутануть его над головой, разминая руки. Первого, кто подбежал к нему, он встретил мощным ударом по голове – и только в последний момент повернул свое оружие так, что удар пришелся плашмя. Воин отлетел в сторону, сшиб с ног сразу троих своих товарищей.

– Брат Оттар! – строго окликнул верзилу сэра Кай. – Сдерживай свой гнев! Помни, что рыцарю Болотной Крепости не пристало сражаться с людьми... Тем более с теми, чей разум пленен магическими чарами... Если ты стремишься к тому, чтобы войти в Крепость, наши правила – теперь твои правила!

Кай молниеносным движением багрового клинка перерубил мечи двоих подскочивших к нему воинов. И закончил:

– Рыцарь Болотной Крепости может только вразумлять людей...

Оттар послушно кивнул. И следующий удар нанес уже рукоятью своего топора. Кай же бросил меч в ножны и с ловкостью, невероятной для человека, облаченного в доспехи, скользнул вперед – поднырнул под занесенный над ним меч. Схватив атакующего одной рукой за правое запястье, а другой – за широкий кожаный ремень, он резким толчком крутанул его, с размаху швырнув о землю. И тотчас развернулся в сторону очередного противника, который обрушил на его голову утыканную массивными треугольными шипами булаву. Если бы разум обладателя булавы не был затуманен эльфийской магией, он бы точно подивился тому, каким это волшебным образом его булава вдруг оказалась в руках у рыцаря в черных доспехах. Впрочем, имей даже этот ратник возможность мыслить свободно, вполне вероятно, он все равно не успел бы ничему удивиться. Потому что сразу после того, как Кай завладел его оружием, сам воин полетел кувырком и еще в полете лишился чувств. Чудесный доспех сэра Кая практически не стеснял его движения. Тогда как облаченные в тяжелую броню враги, будучи повергнуты на землю, далеко не сразу могли подняться.

– Брат Кай! – рыкнул Оттар, сосредоточенно орудуя своим топором, лезвие которого до сих пор не было обагрено кровью. – Ее высочество-то, брат Кай!..

– Не тревожься об этом, брат Оттар, – откликнулся Кай и, резко присев, полоснул тяжелой булавой по ногам напавших на него воинов.

Ратники, казалось, вовсе не замечали золотоволосой принцессы. словно быки, не видящие ничего, кроме раздражающей зрение красной тряпки, они различали лишь силуэты троих рыцарей. Для них, влекомых кровожадной страстью убийства, ничего другого сейчас не существовало.

Но принцесса, как только на придорожной лесной опушке закипела битва, вышла из оцепенения. Будто с исчезновением эльфа с нее спали незримые путы неуверенности и страха. Выхватив из ножен, висящих на поясе, короткий меч, она приняла боевую стойку. Впрочем, вступить в схватку не получилось. Седобородый старик в утыканых устрашающими шипами доспехах сразу занял такую позицию, что золотоволосая Лития оказалась между его спиной и спиной сэра Кая.

Старик-рыцарь даже не пытался обнажить свой меч. Он стянул с обеих рук латные перчатки, сделанные из того же диковинного материала, что и весь его доспех, и, действуя ими, как кистенем, опрокинул навзничь первых двух ринувшихся на него ратников, проломив им решетки забрала. Видимо, материал, из которого изготавливали броню старика, был намного прочнее металла. Затем старый рыцарь бросил перчатки под ноги, пронзительно свистнул и, бормоча что-то себе под нос, вытянул вперед руки. Сразу несколько человек кинулись на безоружного, но подоспевший на сигнал старика Кай разбросал их отнятой у врага булавой.

Закончив бормотать, седобородый всплеснул руками, словно стряхивая с них воду. Из-под ногтя каждого пальца его вдруг плеснуло серым дымом – дымные струйки мгновенно вытянулись, обретая плотность и необычайную подвижность, и превратились в подобия длинных плетей. Старик хлестнул этими плетями ближайших к нему нападавших. Эффект этого удара оказался невероятным. Тех, кого коснулись дымные плети, отбросило на несколько шагов. Старик взмахнул плетями еще раз и еще... Дымные плети мяли и плющили доспехи, рвали кожаные ремни, соединявшие части лат; прожигали подлатники и куртки – оставляли на обнажившихся телах жуткие багровые ссадины, от которых валил густой дым, но не черный, а красный – будто раны таким образом кровоточили.

– Ах ты... – выдохнул за спиною старика сэр Оттар, ударяя тупой стороной топора в плечо очередного ратника, который с отчаянным ревом бросился в атаку, словно не замечая того, что клинок его переломлен у самой рукояти. – Да они совсем полоумные! – завопил верзила. – Я вот этого уже два раза сшибал! У него половина костей точно переломана, а все равно лезет! А ты куда?! – рявкнул Оттар, отшвыривая ногой воина – тот, не имея сил встать, все же попытался вцепиться в лодыжку рыцаря зубами. – Тебя уложили, значит – лежи!

Ратники, сбитые с ног ударами булавы Кая, корячась на земле, сдирали с себя покоренные доспехи – чтобы легче было подняться, чтобы скорее снова кинуться в бой. Даже те, которые получили такие травмы, что уж точно никак не должны были сражаться дальше, продолжали наступать. Те, у кого выбивали или ломали оружие, – хватали что попадалось под руку: камни с земли, части доспехов, а то и просто пытались достать рыцарей голыми руками. Вой и рев метался над опушкой – нападая, ратники не переставали страшно вопить.

Брошенным одним из противником камнем Оттару рассекло бровь. Страшно выругавшись, верзила тряхнул головой – половину его лица тут же залила кровь.

Старик, мельком оглянувшись на Оттара, снова пронзительно свистнул. Кай глянул в его сторону, и старый рыцарь прокричал ему какое-то непонятное слово, словно состоящее из одного рычания. Кай понимающе кивнул и метнул булаву в рыцаря с пышным тюрбаном на шлеме, мчащегося прямо на принцессу. Булава угодила латнику точно в правый наплечник, заставив его, прежде чем он шмякнулся о землю, сделать два полных оборота вокруг своей оси. Избавившись от оружия, Кай поднял руки и сцепил их в замок над головой. И запел – сначала тихо, а потом все громче и громче. Он будто бы пел одно-единственное слово, переполненное нескончаемым и непонятным для всех остальных людей смыслом. Пока рыцарь пел, старик отшвыривал от него своими дымными плетями подсакивающих безумцев.

Сэр Кай смолк. И тотчас движения ратников замедлились – они двигались теперь, будто воздух вокруг них превратился в прозрачный ил, продрагаться через который стоило немалых усилий. Рев, оглушавший рыцарей и их спутницу все это время, превратился в негромкое, чрезвычайно низкое рокотание – похожее на ворчанье далекого-далекого грома. Принцесса и Оттар в изумлении заозирались, а Кай упал на колени, забрало его шлема лягнуло о нагрудник, руки обвисли.

Тогда запел седобородый. Пение его не было похожим на пение Кая. Старик-рыцарь ритмично выкрикивал отрывистые короткие слова, которые, казалось, не уносились прочь, а затвердевали в воздухе невидимыми сгустками, загромождая пространство. Когда седобородый закончил петь, над головами принцессы и троих рыцарей появились... словно бы их отражения – четыре трепещущих фантома. Золотоволосая прикрыла глаза рукой. Оттар выругался и подпрыгнул, чтобы схватить за ногу своего призрачного двойника. Рука рыцаря прошла сквозь фантом, не встретив никакого сопротивления.

И вновь над лесной опушкой взметнулся рев обезумевших ратников. Движения их снова стали быстры – с прежней свирепостью ратники бросились на своих противников. Но седобородый взмахнул рукой, и фантомы поплыли над поверхностью земли в сторону

леса. Ратники – и те, которые не успели получить серьезных повреждений, и те, кто уже с трудом передвигался – устремились вслед за своими эфирными двойниками. Очень скоро на опушке стало тихо и просторно. О бушевавшем здесь только что сражении говорили лишь валявшиеся повсюду обломки оружия и доспехов, да еще – несколько изувеченных бесчувственных тел, лежавших главным образом там, где орудовал своим топором сэр Оттар. Кони рыцарей, заранее стреноженные, тревожно ржали поодаль. Коней ратников нигде не было видно – испуганные шумом битвы, они разбежались кто куда...

Сэр Кай с трудом стащил с головы шлем. Принцесса поразилась тому, как бледно было лицо юного рыцаря. Она шагнула к нему, но тот через силу усмехнулся и успокаивающе поднял руку.

– Н-да... – проворчал Оттар, озираясь по сторонам. – Они что – не вернутся?

Ему ответил Кай.

– Они будут бежать вслед за фантомами, пока силы окончательно не оставят их, – сказал рыцарь, не пытаясь подняться, напротив, усаживаясь поудобнее. – Эльфийские чары сильны... Возможно, лишь к утру следующего дня воины придут в себя...

Принцесса неуверенно усмехнулась. Посмотрев на меч в своих руках, медленно вложила его в ножны.

– Эльфийские чары сильны, – повторила она. – Но ваша магия, сэр Кай... Кто бы мог подумать, что заклинанием можно замедлить время. Я всегда считала, что на такое не способен ни один – даже самый сильный – маг.

– Это не... – начал говорить Кай, но вдруг, закатив глаза, повалился на бок.

Вскрикнув, золотоволосая кинулась к нему. А Оттар тревожно нахмурился и вопросительно окликнул седобородого.

Старик в это время был занят тем, что обходил лежащих без сознания недавних врагов своих и осматривал их раны. Он обернулся на оклик верзилы и сообщил:

– Замедлить или остановить время не может никто. Заклинание, которое произнес брат Кай, просто ускорило всех нас, сделало наши тела стремительнее – правда, ненадолго. Кай отдал нам свою жизненную энергию.

– Он!.. – выкрикнула Лития. – Он, кажется, не дышит!..

– С ним все будет в порядке, – сказал старик, снимая с одного из ратников помятую кирасу, чтобы осмотреть грудную клетку. – Брат Кай не вполне еще оправился после своей битвы с Ловцом Разума... Оттого и прочтение Великого Слова Жертвы далось ему нелегко. Отвар голубиной травы приведет его в чувство. Вы знаете, как приготовить отвар, ваше высочество...

Последняя фраза была произнесена с интонацией утвердительной. Лития кивнула и, не теряя времени, направилась к лесу.

– Брат Оттар! – позвал седобородый верзилу. – Ее высочество позаботится о брате Кае, а ты должен помочь мне. Здесь полно обломков клинков – мне нужны те, что подлиннее. И еще – крепежные латные ремни. Нужно изготовить несколько шин...

– Убивать людей куда как проще, чем их вразумлять, – проворчал северянин, проводя пальцем по лезвию топора, покрытому зазубринами, но не испачканному кровью. – Они нас разорвать пытались, а мы теперь на царапинки им дуем.

– Хороши царапинки, – усмехнулся старик, глядя, как Оттар собирает сломанные клинки в охапку, будто дрова. – Ты так здорово обработал этих несчастных, что, если им не оказать сейчас помощь, они вряд ли уже придут в себя... А мы не можем допустить, чтобы по нашей вине гибли люди. Наш Долг – защищать людей, а не убивать их... Поэтому я и создал фантомов – когда понял, что этих ратников удастся остановить, только убив или сильно покалечив.

– Зато коней теперь – сколько угодно, – сказал Оттар, ссыпая к ногам старика груды клинков, – целый табун. Да и откормленные какие... В ближайшем городе за них хорошо заплатят. Только собрать их надобно. Это я быстро – вряд ли они очень уж далеко удрали... А эвона – штук пять по степи рыщут...

– Не нужно брать с собою больше того, что ты сможешь без труда унести, – наставительно произнес седобородый. – Всегда избегай обузы в долгой дороге.

Он выпрямился, мелко ступая, медленно повернулся вокруг своей оси, точно выглядывая нечто, кому-то другому невидимое. Затем дважды замысловато свистнул.

Менее чем через четверть часа на опушку со всех четырех сторон стали сбредаться оседланные кони, волоча за собой поводья и привязанные к лукам седел, но слетевшие от дикой скачки мешки с провизией.

– Хэх! – мотнул головой Оттар и тут же сморщился – видно, плеснулась в ушибленной его черепушке боль. – Слушаются они тебя... – сказал, потирая затылок, – а ведь, считай, первый раз видят...

Старик усмехнулся. Поднял голову и свистнул еще раз – свистом свирбюще-тонким, от которого у Оттара противно заныло в ушах. Северянин моргнул, огляделся по сторонам и вдруг охнул, уставился в сторону леса. Оттуда, двигаясь редкими и короткими прыжками, показался заяц. Потом еще один. Потом еще... Зверьки подбирались к людям осторожно, но, казалось, без особого страха. Старик свистнул еще раз. Зайцы – будто их вытянули плетью – с визгом бросились обратно в лес.

– Этому не учат в Укрывище! – звонким от обиды голосом воскликнул верзила.

– Этому учит старый Аша, что живет на Грязном пастбище, у берегов Горши, – сказал седобородый старик. – Жаль, что у тебя не хватило времени навестить его.

– Жаль, – согласился Оттар.

Пока старик накладывал первую шину, верзила отошел, чтобы подобрать еще ремней. Торопливым шагом вернулась из леса принцесса. Кроме пучка травы она несла еще и несколько сухих сучьев, между которыми были воткнуты лоскуты седого прошлогоднего мха. Переломав сучья и поставив их пирамидкой, Лития обложила образовавшуюся пирамидку мхом. Затем сняла с пояса огниво. И опытный лесной охотник не смог бы разжечь костра так же быстро, как сделала это золотоволосая принцесса. Более года прошло с тех пор, как она вынуждена была бежать из Дарбионского королевского дворца. Куда подевалась та испуганная девчонка, не умевшая не то что разжигать костры, а даже самостоятельно затянуть корсет? Странствия с рыцарями Братства Порога и обучение в Укрывище на Туманных Болотах полностью изменили принцессу. Можно было смело ставить золотой гаэлон против конского копыта, что во всех Шести Королевствах не найдется особы королевской крови, способной превзойти Литию в бою без оружия или на мече, в искусстве врачевания травами или умении выживать в безлюдной местности... Впрочем, все эти навыки были лишь частью тех знаний, которые приобрела принцесса за те долгие месяцы, когда путь в родной дом был для нее закрыт.

Все трое действовали сосредоточенно и слаженно. В котелке над костром уже закипало варево из тщательно растертых стеблей голубиной травы, оставался лишь один раненый, которому следовало наложить повязки и шины. Тогда сэр Оттар вновь нарушил молчание.

– А долговязый-то, – проговорил он, имея в виду, вероятно, бежавшего с поля сражения эльфа, – отменной гадиной оказался. Будь на нашем месте кто-нибудь другой, этого кого-нибудь толпа одуревших болванов вмиг затоптала бы. А то на каждом углу только и слышишь, как людишки славословят Высокий Народ. И эльфы – вона какие, оказывается... Правильно брат Кай тогда, в Дарбионском дворце, вломил им по первое число! А вот тех ребят, которые брату Каю в Болотной Крепости тем случаем в глаза тыкали, привести бы сюда... Поглядели бы – на тех, за кого заступаются! Ишь ты: не понравилось, как ему прекословят!

– Высокий Народ так же подвержен страстям, как и люди, – ответил седобородый. – Нельзя судить обо всем народе по одному только его представителю. А этого эльфа нельзя судить за один только его поступок. Мы сражаемся лишь с теми, кого наш Кодекс велит считать врагом рода человеческого. А из того, что мы знаем о Высоком Народe, нельзя утверждать, что они – враги. В конце концов именно эльфы встали на сторону брата Эрла в войне с Константином. Именно они предотвратили гибель тысяч и тысяч людей. Следовательно, нельзя полагать врагами тех, кто принес человечеству великое благо.

Раненый, которому накладывали шину на сломанную руку, вдруг очнулся. Сверкнув налитыми кровью глазами, он зарычал и попытался укусить Оттара за палец. Верзила проворно отдернул руку и тут же закатил очнувшегося оплеуху, от которой тот снова лишился чувств.

– Чтоб не дергался, – пояснил Оттар укоризненно взглянувшему на него старику, – ему же добро делаешь, а он тебя зубами тяпнуть норовит!

Седобородый рыцарь усмехнулся.

– Совсем непросто разглядеть, – сказал он, – что есть благо, а что – худо. Где истинный враг, а где – всего лишь фантом.

Глава 2

Парселис по прозвищу Сверчок три последних года был занят тем, что обучал стихосложению самого герцога Циана – одного из богатейших аристократов королевства Крафия. К концу обучения герцог преуспел в высоком искусстве настолько, что его поэме рукоплескала сама ее величество королева Крафии Киссиария Высокомудрая. Правда, при дворе шептались, что восторг ее величества был обусловлен не столько талантом Циана, сколько ларцом с драгоценностями, который герцог преподнес своей королеве вместе с поэмой. Но, как бы то ни было, на следующий же день после того, как строки, сочиненные герцогом Цианом под чутким руководством Парселиса, прозвучали в тронном зале Таланского королевского дворца, придворные менестрели во все лопатки принялись перекладывать поэму на музыку, а сам Циан решил, что в услугах Парселиса более не нуждается. Парселис же – не будь дурак – разуверять Циана в этом не стал. А наоборот: со светлыми слезами радости на глазах сообщил герцогу о том, что высшее счастье для настоящего поэта – это когда ученик превосходит своего учителя. Поэтому и получил в награду за трехлетние свои труды немалый кошель золота и в придачу звание капитана одной из приграничных застав, что располагалась на окраине обширных владений герцога. Вверяя в руки поэта крепость с гарнизоном в сотню воинов, окрестную деревеньку с двумя десятками крестьян, Циан рассуждал следующим образом: если человек способен понять и прочувствовать то, что неизмеримо выше всяких земных проблем, то уж разрешить эти самые проблемы для него не составит никакого труда. Кстати сказать, в Крафии подобного рода случаи ни у кого удивления не вызывали. Все потому, что вот уже долгие века правители этих земель всеми силами поддерживали статус своей страны – как самой просвещенной из всех Шести Королевств. Нигде, кроме как в Крафии, нельзя было найти столько университетов, библиотек, обсерваторий и магических лабораторий. Крафийские ученые, историки, поэты и маги – если им вдруг взбрело в головы покинуть родину – легко находили себе место при дворе любого из соседних государств. За исключением, пожалуй, княжества Линдерштерн: давнего и лютого врага страны.

В этот теплый весенний вечер Парселис Сверчок возлежал в глубоком кресле, задрав тощие голые ноги на заваленный пергаментными свитками стол. Кроме свитков на столе помещались еще два преогромных кувшина, один из которых был полон, а другой – почти пуст. И, судя по багровеющему в скудном свете потолочного масляного светильника носу поэта, в кувшинах этих налито было далеко не молоко. Парселис мирно похрапывал, сложив руки на начищенной кирасе, надетой прямо поверх ночной рубахи – и, возможно, продремал бы так до утра, но гулкий удар медного колокола, укрепленного на воротах крепости с внешней стороны, заставил его открыть глаза.

Парселис икнул и попытался принять вертикальное положение, вследствие чего свалился с кресла на пол, едва не опрокинув стол.

Колокол ударил снова.

Обалдело моргая, Сверчок не без труда вскарабкался обратно в кресло.

– Кого это несет? – спросил Парселис у кувшинов дребезжащим тоненьким голоском. – А? Кого несет-то в такое время?

Кувшины, понятное дело, промолчали. Вообще-то Парселису не впервой было разговаривать с неодушевленными предметами, но вот отвечать они ему начинали, только когда он выпивал не менее десяти – двенадцати кружек. Сейчас же до того состояния, когда и кувшин становится приятным собеседником, поэту не доставало еще кружек пяти.

Парселис вздохнул и тут же принялся исправлять это досадное недоразумение. Выпив одну за другой три кружки, Сверчок воодушевился настолько, что прочитал кувшинам длин-

ное лирическое стихотворение. Однако, вместо того чтобы восхищаться и рукоплескать, кувшины все так же тупо молчали. Поэт обиделся.

– Болваны вы, – сказал он. – Как и все здесь...

Опрокинув еще кружку, Парселис ударил кулаком по столу и прослезился.

– Пропадаю я в этой глуши, – пожаловался поэт кувшинам, – мне бы в Талан, во дворец... Эх, я блистал бы там! Густое вино в золотых кубках... Придворные дамы... Благодарные слушатели... А здесь? Мерзкое пойло, от которого по утрам голова трещит, жирные кухарки да тупоумные дуболомы со своими железяками. Даже поговорить не с кем.

Кряхтя, Сверчок поднялся с кресла и подковылял к окну. Картина за окном открывалась унылая: темень, в которой грязный двор выглядел еще более грязным, часть зубчатой крепостной стены, на которой дремал, облокотившись на копье, караульный. А за стеной мутно белели горы, и высоко-высоко в небе висел громадный шар луны, тоже казавшийся неряшливым и нечистым из-за покрывавших его пятен.

– Тоска-а... – проскулил Парселис и тут же вспомнил об ударах колокола, разбудивших его.

Немного оживившись, поэт пересек комнату, открыл дверь и толкнул босой ногой спящего в коридоре слугу.

– Эй ты... – сказал Сверчок, – как там тебя?... Почему в воротный колокол били?

Слуга – косматый, заросший бородой, удивительно похожий на приبلудную собаку – вскочил и прохрипел что-то вроде: «Не могу знать...»

– Так пойд и выясни, дур-рак! – тоненько выкрикнул Сверчок, подкрепив свой приказ еще одним пинком.

Слуга вернулся к тому времени, когда Парселис успел опорожнить очередную кружку.

– Там, господин, бродяга какой-то... – зевая и почесываясь, сообщил слуга. – Старикан бородатый. Говорит, издалека идет.

– Чего ж в крепость-то лезет? – удивился поэт. – Если бродяга, пускай до деревни шкандыбают. У нас тут и своих блох хватает.

– Ему так и сказали. А он говорит, что ноги стер, не дойти ему до деревни. Да! Говорит еще, что он не попрошайка какой-нибудь, а странствующий жрец Нэлы Милостивой. Но врёт, конечно.

– Странствующий жрец? – заинтересовался Парселис. – А ну-ка... Скажи, чтоб впустили. Скажи, господин капитан велел. И сразу его ко мне води. Понял?

Слуга ответил, что понял, и отправился выполнять поручение.

Ожидая гостя, поэт выпил еще кружечку. Сделав последний глоток, он проговорил, обращаясь к кувшинам:

– Слыхали? Жрец! Значит, человек хоть чуть-чуть поумнее этих болванов, что меня здесь окружают. Да еще странствующий, ходил везде, видал много. Вот с кем поговорить можно.

Парселису показалось, что один из кувшинов ему подмигнул.

– То-то, – добавил поэт и налил себе еще.

Странствующий жрец оказался стариком с густой белой бородой и обширной лысиной, коричневой от солнца. Остатки волос на висках и затылке были заплетены в длинную и тонкую косицу. Одеждой жрецу служила бесформенная хламида из грубой холстины, ноги были босы и окровавлены. На плече старика висела тощая сумка. Этот человек явно знал когда-то и лучшие времена: когда-то он был упитан и даже толст, теперь же растянутая кожа щек уродливо свисала с костей его лица.

– Садись, – указал Парселис старику на голый пол рядом с креслом, в котором сидел сам. – А ты... как там тебя... – обратился он к слуге, – притащи сюда еще пару кувшинов и чего-нибудь пожевать.

Прежде чем сесть, гость глухим и низким голосом поблагодарил за милость, оказанную ему господином капитаном. Господин капитан ответил кивком головы, побарабанил пальцами по металлу своей кирасы и задал первый вопрос:

– Как тебя звать?

Старик непонятно почему помедлил с ответом.

– Гарк... господин капитан, – сказал он.

– Откуда ты?

– Можно сказать, что ниоткуда, – устало усмехнулся старик, – я странствую так давно, что уже забыл страну, которая была мне родиной.

– Но ты не из Крафии?

– Нет, господин капитан.

– А бывал ли раньше в Крафии?

– Нет, господин капитан.

– Скажи мне, чем ты занимаешься?

– Я жрец Нэлы Милостивой, – ответил Гарк, прикоснувшись ладонью к левой стороне груди – как полагалось делать при упоминании имени богини плодородия. – Я странствую по землям людей, исполняя божественные ритуалы на крестьянских полях. Ведь не в каждой деревне стоит храм.

Поэт видел, что жрец очень устал и скорее всего голоден. И на вопросы отвечает без всякого удовольствия, просто из почтения. Но это Парселиса мало волновало.

– И что же, – хихикнул стихотворец. – Твои ритуалы на самом деле помогают улучшить урожай?

– Великая Нэла дарует каждому просящему по воле своей, господин капитан.

От восторга поэт даже засучил ногами.

– Вот молодчина! – завизжал он своим писклявым голосом, благодаря которому, кстати сказать, и получил прозвище – Сверчок. – Ну не молодчина ли ты, старик?! Как удобно: по воле своей! То есть захочет даровать много – и подарит. А не захочет – никто ничего не получит! Хе-хе! А ты, старик, как там тебя?..

– Гарк, господин капитан.

– А ты, Гарк, в любом случае монетку за пазуху положишь. А?

– Я беру немного, господин капитан. Каждый дает мне столько, сколько может.

– А теперь послушай меня, старик... как там тебя?.. Ладно, неважно... Послушай! – Сверчок воздел к потолку костлявый палец и сурово свел на переносице редкие брови. – Ты находишься в Крафии. В самом просвещенном королевстве мира людей! Наука, искусство и магия – вот чем живут здешние обитатели!..

Вошел слуга, таща два кувшина, кружку и холодную вареную баранью ногу. Поставив напитки и снедь на стол, он разлил вино по кружкам и удалился. Поэт бросил мясо старику, присосался к одной из кружек, выпил ее досуха, смачно рыгнул и вновь воздел палец вверх. Пока гость жадно обглаживал баранью ногу, Парселис успел продрезжать ему целую речь об особенном предназначении Крафии.

– В нашем королевстве уже мало кто верит во всякие там ритуалы и жертвоприношения! – сказал в заключение поэт. – Конечно, мы признаем, что наш мир создал Незьяснимый, явившийся из Великого Хаоса. Мы признаем, что Незьяснимый сотворил Харана Темного, Вайара Светоносного и Нэлу Плодоносящую и Милостивую. Мы признаем, что, зачав от Вайара, родила Нэла тех, кто положил начало роду человеческому: Андара Громобоя, что нес в себе дух Войны и Разрушения; Гарнака Лукавого, породившего Ложь, Воров-

ство и Искусство; Безмолвного Сафа, даровавшего впоследствии людям Любознание и Мудрость... Родила Нэла от Вайара Алу Прекрасную, которая была сама Красота и Магия; Иллу Хранительницу, которая была Верность, Любовь и Терпение; Вассу Повелительницу Бурь, сберегшую истоки Страсти и Неистовства. Да! И в незапамятные времена Безмолвный Саф осенил своей милостью эту долину, в которой позже выросли города и селения великой Крафии! Осенил! И доказательством этому служит то, что и по сей день каждый подданный нашего королевства смыслом жизни своей видит: постигать новое! Учиться самому и учить других!.. Служить наукам! Или искусству! Или магии! Каждый подданный!.. Ну, не каждый... – сбавил темпы, подумав, поэт. – А только самые лучшие из подданных. Самые умные и просвещенные. Истинные крафийцы!

Старик-жрец тем временем закончил с мясом. Несколько оживившись, он потянулся за кружкой с вином.

– Боги давным-давно отвернулись от людей, – продолжал вещать Парселис. – Где доказательство того, что они слышат нас? Мы, крафийцы, верим только тому, что можно увидеть, пощупать и взвесить! Крестьяне получают хороший урожай, если летом начнут идти дожди и солнце станет греть землю, а не выжигать. А если ты зарежешь на поле хоть сотню красных петухов, на будущий урожай это никак не повлияет. Ты своими глупыми ритуалами не сможешь сделать даже того простейшего, на что способен любой более-менее грамотный маг – вызвать дождь в засуху!

– Маги за свои услуги берут дорого, – мягко возразил на верещания Парселиса Гарк. – А я доволен даже краюхе хлеба. К тому же, господин капитан, люди таковы, что упорному труду всегда предпочтут более легкий обходной путь. Куда как проще накормить странствующего жреца и тем обеспечить себе надежду на обильный урожай, чем горбатиться с киркой и мотыгой дни напролет.

– О-о-о! – удивился поэт. – Вы только посмотрите на него! – предложил он кувшинам, кивнув на старика. – Да этот бродяга не так-то прост... А я сразу увидел в тебе неглупого человека. Вот что я скажу... как тебя?

– Гарк, господин капитан.

– Ну, да... Вот что я скажу тебе, Гарк... Ничего ты не заработаешь в нашем королевстве. Глупцов в Крафии не так много, как в других странах. Тебе бы в Линдерштерн податься. Тамошние дикари всему верят. Озолотят тебя... – снова захихикал поэт. – Если, конечно, сначала не зарежут.

– Я слышал, – покачал головой Гарк, – в Линдерштерне беспокойно. Княжества снова готовят нападение на Крафию.

Сверчок беспечно махнул рукой.

– Сколько уже эти варвары пытаются уничтожить великую Крафию! – сказал он. – Да только ничего у них не выходит и не выйдет. Потому как невежество и дикость никогда не одолеют высокоразвитую цивилизацию. Я уже почти полгода сижу в этой крепости. Знаешь, сколько раз мы подвергались нападениям отрядов линдерштернских князей? Трижды! Трижды, старик! И что же? Только пятеро из нашего гарнизона погибли, и еще... не помню сколько – получили ранения. А дикари Линдерштерна всякий раз уволакивали от неприступных стен моей крепости десятки трупов! Сотник моего гарнизона... этот, как его?.. не помню имени – отличный воин, к тому же долгое время изучавший боевую магию Сферы Огня. На него можно положиться. Крепкий мужик. А! Нет! Четыре раза линдерштернцы пытались взять крепость! Четыре! Про четвертый раз-то я забыл... Признаться, в ночь последнего нападения я немного... ну... болел. Вот и проспал до самого утра и, только проснувшись, узнал о том, что был бой.

– Видимо, – чуть улыбнулся странствующий жрец, – сотник гарнизона вашей, господин капитан, крепости и на самом деле отлично знает свое ремесло.

– Ага, – согласился Парселис. – Я-то в воинском искусстве мало смыслю. Я, знаешь ли, старик, – поэт!

– Поистине Крафия – удивительная страна, – чуть улыбнулся гость. – В Гаэлоне или Марборне никогда не бывает, чтобы поэты занимали столь высокие должности.

– Я об этом тебе и говорю, – важно кивнул Парселис. – Крафия, осененная милостью Безмолвного Сафа, – особая страна. А я в этой крепости – как Крафия среди прочих королевств. – Сверчок даже языком прищелкнул, довольный сравнением. – Тоже особенный. Пусть те, которые рождены сражаться, сражаются. Те, чье призвание – кашеварить, пускай кашеварят. А я стою высоко над всеми ними!

– Позвольте спросить, господин капитан, – почтительно поинтересовался вдруг Гарк, – в чем же состоят ваши обязанности капитана?

Парселис допил остатки вина, икнул и уронил кружку. Затем хихикнул над очевидной глупостью вопроса:

– Что значит – в чем состоят?.. А как же гарнизон без меня? Да если б меня не было – что они все делали бы тут? Это ж, понимаешь, Жженая Плешь! Тут держи ухо востро! Ну ты и сказанул, старик... как там тебя?..

– Гарк, – в который уже раз подсказал жрец. – Жженая Плешь? Что это?

Сверчок захихикал:

– Как это – «что это»? А вот! – С риском для равновесия он широко развел руками. – Вот это все и есть – Жженая Плешь. Равнина эта так называется. Тут, понимаешь ли... как тебя? А, неважно... Если с Белых гор спускаться, то как раз на Жженую Плешь и выйдешь. Нет, можно, конечно, и в другом месте спуститься, но только здесь – тропы такие удобные, что по ним многочисленные отряды пройти смогут. Потому в Жженой – наши пограничные заставы, столько, сколько больше нигде по крафийским рубежам и близко нет. От одной заставы до другой – рукой подать. Они ж... – доверительно понизил голос Парселис, – варвары эти горные, грязнозадые, иногда и большие набеги устраивают. Ага, а как ты думал?! Чаше всего какой-нибудь князек со своей дружиной ломанет наугад в надежде близлежащие деревеньки пограбить... да быстро по носу получит и назад ковыляет. А бывает такое, что несколько князей объединятся. Их же в Белых горах больше, чем конских яблок в степи... Немалое войско получится. Такое и целый город разграбить сможет, но такое и по узким тропам не проведешь. И нигде, кроме как через Жженую Плешь, в Крафию войти у такого войска не получится. Потому-то на этой равнине вся трава и все деревья повырублены и повыжжены – чтобы никто незаметно подобраться не смог. Потому-то мы здесь и поставлены. Чтобы родное королевство бер-речь! – неожиданно взревел поэт, погрозив кулаком кувшинам. – Понимаешь?

– Да, – кротко сказал жрец.

Парселис кивнул, но, уронив голову, с трудом уже смог поднять ее. И задрезжал снова, видимо забыв, о чем шел разговор до этого:

– Слухи ходят, что, мол, в Линдерштерне появилось какое-то ужасное оружие... Мол, узнали эти дикари секрет какого-то порошка, который, будучи разогрет на огне, превращается в огонь, способный пожрать все, даже камень. И никак его потушить нельзя. Только магией разве что... Говорят... сконструировали якобы безмозглые горцы такое орудие – пыхающие на большие расстояния ужасным этим огнем длинные трубки, соединенные с котлами, обложенными углями... Говорят еще, орудия эти просты в изготовлении, легко разбираются, и всего лишь трое воинов могут нести их на плечах. Хе-хе!.. Ты слышал, старик? – Окосевший поэт постучал по горлышку один из кувшинов, явно принимая его за жреца. – Вот уж враки-то! Врут еще, что этим орудием дикари уже сожгли одну из дальних застав на Жженой Плещи – прямо дотла! Как слышу эти бредни, меня смех разбирает. Ну разве способны линдерштернские болваны изобрести что-нибудь путное?

Непонятно почему, но жрец после этой новости изменился в лице.

– Слухи рождаются всегда, господин капитан, – тихо произнес он. – Но очень редко оказывается враньем то, о чем говорят с такими подробностями. А что, если это новое оружие – изобретение вовсе не Линдерштерна? Что, если кто-то даровал им секрет этого... *смерть-огня*?

– Кто? – хрюкнул Парселис. – Кому они на хрен нужны? Эти дикари враждуют со всеми окрестными странами. Да и друг с другом. Ведь Линдерштерн только по традиции до сих пор называется княжеством. Когда-то он и на самом деле являлся государством, во главе которого стояла одна правящая династия, но с того времени – сколько сотен лет прошло! А теперь – кто его знает, сколько князей порвали на лоскуты свою землю! Ну, десятка два, наверное... И каждый мнит себя величайшим среди ничтожнейших и постоянно стремится это доказать... дубиной по башке или ножом в бок. Это еще удивительно, как они не перегрызлись! Да! О чем мы говорили... А, вспомнил... Кому нужны эти дикари, старик! У них нет друзей!

– И как часто появляются в приграничье слухи о каком-нибудь страшном оружии Линдерштерна? – уточнил Гарк.

– Да никогда не было ничего подобного, – хихикнул Парселис. – Сама мысль о том, что тупоумные горцы могут сражаться чем-нибудь, кроме топоров, дубин, мечей и всяких там дротиков, – просто смешна! Воины Линдерштерна настолько глупы, что даже магией овладеть по-настоящему им не под силу. Разве хоть один сильный маг родился в этом княжестве?

– За все время противостояния Крафии и Линдерштерна впервые заговорили о новом мощном оружии горного княжества, да еще и упоминая такие подробности... – Жрец покачал головой.

Поэт фыркнул.

– А... ч-чего это... – выговорил он, – тебя – чужестранца – так заботит судьба моего королевства? А? Это непр-равильно! Она не это... не должна тебя заботить! Вот я! – Он с размаху стукнул себя кулаком по загудевшей от этого удара кирасе. – Вот я – подданный великой Крафии – это я должен страдать о своей стране! Это я должен... кровавыми слезами плакать!

Сказав это, поэт и вправду заплакал. Но не кровавыми слезами, а вполне обыкновенными: обильными и пьяными.

Жрец ничего не ответил. Он замолчал, погрузившись в себя. А Парселис по прозвищу Сверчок, глотнув еще из кувшина, пришел вдруг в крайнее возбуждение. Он сполз со своего кресла, подхватил с пола обглоданную стариком кость и, размахивая ей, как мечом, громогласно изъявил желание прямо сейчас отправиться в горы, чтобы лично разнести по камешкам свирепое княжество. Желания своего Парселис осуществить не смог, потому что не сумел найти дверь. Тогда он развернул полномасштабные военные действия против опустевших кувшинов и одержал полную и безоговорочную победу. Правда, когда на забрызганном вином столе остались одни черепки, поэт начал догадываться, что несколько ошибся с выбором врага. С криком:

– Эй, ты, как там тебя... тащи еще вина! – он рванул к ближайшей стене и, врезавшись в нее на полном ходу, рухнул на пол.

Трижды повторял стихотворец попытки пробиться к храпевшему в коридоре слуге, набил себе на лбу гигантскую фиолетовую гулю – и внезапно замер посреди комнаты, озираясь.

– Ага! – взвизгнул поэт, видимо определив-таки местоположение двери. Кинулся на нее, как хищник на добычу, промахнулся, шлепнулся о стену, отполз и вновь кинулся в атаку. Однако и на этот раз коварная дверь ускользнула от Сверчка. – Да что же это такое?! – плаксиво осведомился Парселис у потолочного светильника. – Я же выпить хочу!

Подковыляв к столу, он поднял один из черепков, в котором плескалась еще жалкая капля вина, но выпить не смог – уронил черепушку.

– Эй, ты! – запищал Парселис. – Как тебя?!.. Принеси мне вина! Эй! Я же слышу, как ты храпишь, гадина ленивая! Или хотя бы дверь принеси, чтобы я выйти смог... и рожу тебе начистить!

Громоподобный храп из коридора красноречиво свидетельствовал о том, что призывы поэта так и останутся без ответа. Тогда, осознав весь ужас происходящего, Сверчок рухнул в кресло и зарыдал.

Старик-жрец, о существовании которого поэт давно и накрепко забыл, пошевелился на полу. Усталое лицо Гарка было бледно и покрыто мелкими каплями пота.

– Значит, они решили уничтожить Крафию, – пробормотал он. – Конечно, руками несчастного княжества... Великие боги, когда я шел сюда, я даже и не думал, что это может случиться. И случиться так скоро... Спасти, спасти... Спасти, что еще можно спасти... – Он стиснул дрожащие руки и добавил уже едва слышно: – А иначе все будет кончено... Навсегда...

Парселис по прозвищу Сверчок затих, услышав странное бормотание старика.

– К-кто здесь? – позвал поэт. – К-кто это сюда... прокрался?

– Скажи мне, капитан... – Голос бродяги-жреца звучал теперь строго и даже повелительно. – Далеко ли отсюда ближайший город?

– Ты кто? – поразился Сверчок.

Жрец поднялся на ноги, шагнул к Парселису и отвесил ему оплеуху.

– Ай! – изумленно сказал Сверчок, вперившись мутными глазами в старика. – Ваша светлость... достославный герцог Циан, это вы?... Здесь?..

– Отвечай!

– Да... как... куда... – закудаhtал Парселис, но, получив еще одну оплеуху, вдруг заговорил четко и быстро: – До Сириса день езды, если кони хорошие.

– Долго... – прошептал жрец. И снова возвысил голос: – Есть ли в этом городе ученые мужи или великие маги?

– Маги есть, но великие... В Талане прорва сильных магов, ваша светлость, неужто вы не знаете? А в Сирисе... А в Сирисе живет Варкус, один из самых известных историков Крафии. Но зачем вашей светлости...

Старик не дал Сверчку договорить. Он сунул ему в руки свою кружку с вином, которую едва пригубил.

– Пей одним махом! – велел жрец.

– Ваша светлость!.. – умильно искривился Парселис. – Да за такое... Да вы ж... солнце вы мое лучезарное...

– Пей!

В один прием поэт выхлебал содержимое кружки и обмяк в кресле.

Странствующий жрец прошел в угол комнаты, к сваленной там куче тряпья. Откопал пару сандалий, надел их на свои стертые в кровь ноги, затянул ремешки. После этого он выглянул в коридор, разбудил слугу и сообщил ему, что господин капитан требует еще вина. Дождавшись возвращения слуги, старик поставил кувшин на стол – прямо перед Парселисом, а сам, хромя и сутулясь, вышел во двор. Сел под стеной и закутался в свою хламиду. Смена караула, проходя мимо него, слышала, как жрец невнятно бормотал себе под нос:

– А может быть, это все и на самом деле слухи? Может быть, я напрасно беспокоюсь?... Но даже если то, чего я боюсь, правда... Что тогда делать? Что я могу сделать – один в чужой стране?..

Но ратники на бормотание полоумного старика внимания не обратили.

На рассвете стража открыла ворота крепости – крестьяне из близлежащей деревушки ввозили телегу гнилого прошлогоднего картофеля. Старик попытался было покинуть крепость, но один из стражников придержал его за плечо.

– Куда собрался? – осклабился он в лицо жрецу. – Господин капитан велел тебя пустить, так господин капитан теперь пускай приказ дает обратно выпускать. Здесь тебе не постоянный двор, а пограничная застава.

– Долго придется ждать, пока господин капитан очухается... – пробурчал старик.

– Чего-о? – разинул рот стражник, угрожающе надвигаясь на жреца.

Но тут со сторожевой башни донесся тревожный свист. Стражники задрали головы.

– Двое всадников, – проорал ратник на башне, – знамена... Не разобрать пока... Но уж шибко скачут – как бы не случилось чего... Слухи-то вон эва какие ходят...

Никто из воинов крепости не заметил, как при этих словах побледнело лицо старика.

– Разобрал знамена! – крикнули с башни. – С южной заставы парни скачут. Что ж такое стряслось-то?

К тому времени, когда всадники осадили коней у стен крепости, в воротах сгрудилась добрая половина гарнизона.

– Люди князя Рагатристеля... – первое, что сказал один из прибывших – воин в испачканном копотью кожаном панцире. Кисть правой руки его, подвешенной на грязном лоскуте к шее, была черна и скрючена, – этой ночью... – голос его оказался тускл и ровен, – в полночь... – И он замолчал, точно в горло ему вбили кляп.

Второй воин не спешил. Он тяжело дышал, будто добирался до крепости не верхом, а пешком. Глаза его блуждали по сторонам, но словно не видели ничего вокруг.

Ратник с изувеченной рукой прокашлялся и продолжил:

– Только знамена и спасли, – сказал он. – Шестеро нас... осталось.

Кто-то из крепости капитана Парселиса охнул:

– Да у вас же гарнизон в две сотни мечей был! Сколько же воинов привел Рагатристель к заставе?

Ратник, оставшийся в седле, встретившись глазами с Гарком, вдруг расплылся в бессмысленной, полубезумной улыбке.

– Три десятка, – бесцветно продолжал воин погибшей заставы. – Потому мы их так близко и подпустили к стенам... Надо подмоги просить, парни. Завтра-послезавтра горцы здесь будут...

– Три десятка... – прошептал стражник, задержавший старика-жреца. – Это?... Как это?..

– Трубки, мечущие огонь, – сказал ратник, шевельнув покалеченной рукой, – слышали о них? О том, что этот огонь заставляет гореть даже камень? О том, что только магией можно его потушить?

Никто ему ничего не сказал. Тогда ратник ответил на свой вопрос сам.

– Слухи врут, – проговорил он. – Магией этот огонь тоже потушить нельзя. Он горит, пока есть, чему гореть.

Глава 3

Даже придворные историки вряд ли могли точно сказать, когда был построен Дарбионский королевский дворец; говорили, что башни дворца высились еще тогда, когда самого Дарбиона и прочих городов королевства и в помине не было. И с тех незапамятных времен каждый из множества правящих Гаэлоном королей что-то пристраивал к дворцу. Шли годы, десятилетия и века, и стал дворец огромен, как город. Даже те, кто прожили в нем всю жизнь, могли легко заблудиться, свернув куда-нибудь не туда в дальних переходах.

Впрочем, потеряться можно было и в обжитой, центральной, части дворца. Особенно в этот день, когда весь королевский двор с часу на час ожидал прибытия ее высочества принцессы Литии. Огромные залы, уставленные столами с яствами, кишели сновавшими между колоннами слугами – так, что рябило в глазах. На возвышениях, украшенных гирляндами цветов, музыканты настраивали свои инструменты, певцы пробовали голос, распеваясь, – и шум стоял такой, что трудно было услышать самого себя. Свою лепту в общую сумятицу вносили придворные всех мастей, разодетые и надушенные, крайне возбужденные в предвкушении большого праздника. Королевские церемониймейстеры и распорядители, раскрасневшиеся и потные, отчаянно пробиваясь через праздную гомонящую толпу, ежеминутно отдавливали кому-то ноги, получали подзатыльники, пинки и затрещины и замученно хрипели извинения.

Первый королевский министр, господин Гавэн, шел через дворцовые залы не спеша. Никаких препятствий на своем пути он не встречал, потому что перед ним с равной почтительностью расступались и слуги, и распорядители, и знатные вельможи, и феодалы – богачи из поместий близ Дарбиона, прибывшие в королевскую резиденцию выразить свой восторг по поводу возвращения в родной дом принцессы Литии.

Господин Гавэн очень изменился с тех пор, как покинул Серые Камни Огров и вместе с сэром Эрлом вернулся в Дарбион. Гавэн сильно располнел, и полнота его казалась какой-то нездоровой, будто, раз отведав непривычных для себя лишений, он до сих пор не мог насытиться безопасной и роскошной жизнью. Изменился и облик Гавэна: у углов рта его пролегли две глубокие косые морщины, а на дне серых глаз прочно затаилась тревога, которую нельзя было скрыть от внимательного наблюдателя. И причины той тревоги не понимал никто. В самом деле, после того как сгинул маг-узурпатор Константин, как пала незаконная его власть – в Дарбионском королевском дворце, а значит, и во всем Гаэлоне, не было человека влиятельней, чем господин Гавэн. Он стал первым после короля. Вернувшись с войны в ореоле славы в столицу королевства, Гавэн полностью поменял весь министерский аппарат, и не имелось ни малейшего препятствия его слову и делу. Король доверял Гавэну, своему родному дяде. Более того, не имевший ранее опыта управления государством Эрл во многом опирался на советы родственника. Судили об этом по тому, что единолично король никогда ничего не решал. Любой указ обсуждался королем и его первым министром за закрытыми дверями; время от времени в Зал Совета допускались и прочие министры. Но уж кроме них – никто. Многие замечали: помимо родственных уз что-то еще связывало Эрла и Гавэна. Нечто, о чем могли знать только эти двое, и чего больше никому знать не следовало. Этим таинственным знанием, судя по всему, король и его первый министр и руководствовались, принимая свои решения. А уж по поводу того, кто именно открыл Эрлу и Гавэну то, чего не знали и не должны были знать высокопоставленные государственные мужи, при дворе не сомневались. Высокий Народ! Мудрые эльфы, снизошедшие впервые за долгие века человеческой истории до проблем людей. Доблестные эльфы, без которых войска Эрла нипочем не одержали бы победу над демонами и магами Константина.

И эта неожиданная милость Высокого Народа вселила в сердца обитателей дворца, жителей Дарбиона – да и остальных подданных великого королевства Гаэлон – уверенность в том, что и дальше все будет только хорошо. Смутные времена кончились, и на пороге – новая эра всеобщего благоденствия. Было ясно, что эльфы, оказав помощь в страшной войне, станут помогать и дальше. Тем более что об этом на своей коронации объявил сам Эрл.

Но – все же – что тревожило первого королевского министра? Отчего мертвящей тоской смотрели его глаза? Словно он знал больше, чем его величество король Гаэлона Эрл Победитель...

Если до коронации эльфы почти каждый день являлись во дворец, то после того, как Эрл стал королем, визиты Высокого Народа почти прекратились. Но два дня назад Дарбионский королевский дворец снова посетили двое из Высокого Народа. В тот день с самого утра и до ночи король с господином Гавэном находились в Зале Совета, и двери зала были закрыты, даже стражу удалили от этих дверей. Никому не было известно, о чем говорили король со своим первым министром, и до сих пор никто об этом не узнал. Но на утро следующего дня Гавэн объявил о том, что завтра во дворец вернется ее высочество принцесса Лития, а уже через неделю состоится свадьба Эрла и Литии. Упомянул он и о том, что не кто иной, как сам Лилатирий, Хранитель Поющих Книг, Глядящий Сквозь Время, окажет его величеству эту милость – перенеся силой своей магии принцессу через необозримые пространства от дальних рубежей королевства в Дарбион. Придворные восприняли новость с привычным восторгом, и кое-кто из них тут же начал обсуждать, какую очередную диковину подарят добрые эльфы королю и принцессе на свадьбу...

Первый королевский министр шел через заполненные людьми залы. Он, казалось, не воспринимал ни предпраздничной суеты, ни оглушающего многоголосого шума. Министр был полностью погружен в свои мысли. Придворные заметили, что в таком состоянии Гавэн находился все время после того неимоверно затянувшегося совета с королем. Да и сам его величество тоже два последних дня был чрезвычайно увлечен какой-то думой. Что-то грядет вскоре – так рассудил весь двор. Что-то очень важное и значительное, раз о том пока не дают знать даже министрам, верным приближенным господина Гавэна... Но это «что-то», это неведомое пока великое событие, явно породит перемены к лучшему. Потому как иначе и быть не может. Потому как такие уж счастливые пошли времена, что поворота к худу ждать не приходится... Уже появились первые весточки грядущих перемен: полным ходом идет создание новой – многократно превосходящей численностью старую – королевской гвардии, генералами в которой становятся выходцы из Серых Камней Огров. Орден Королевских Магов, чудовищно выхолощенный во время войны, открывает в Дарбионе школы, куда стекаются со всех концов Гаэлона юноши и – чего не бывало никогда за всю историю Ордена – девушки. По всему видно, что его величество решил как можно скорее набрать мощь...

Господин Гавэн, не сбавляя шага, щелчком пальцев остановил пробежавшего мимо слугу с кувшином вина на подносе. Напрасно окружающие считали, что министр так ушел в раздумья, что ничего вокруг себя не замечает. Гавэн не стал бы тем, кем стал, если бы не привык постоянно контролировать мир вокруг себя.

Слуга, запнувшись от неожиданности, едва не навернулся со своим кувшином. Но быстро опомнился, развернулся и помчался вслед первому министру. Гавэн вытянул руку, и в ней, как по волшебству, появился золотой кубок – это уже изловчился кто-то из придворных. Пока слуга наливал вино в кубок, первый министр поднял голову и оглядел стоявших рядом. Те, на кого пал взгляд, почтительно поклонились. Сделав несколько мелких глотков,

Гавэн, не глядя, отвел руку с кубком, и кубок тотчас же подхватили. Первый королевский министр продолжил свой путь.

Впрочем, уже через пару шагов он остановился. Как-то неловко повернулся вокруг своей оси, вдохнул, широко распахнув тонкогубый рот, и положил руку на левую сторону груди.

Все, смотревшие в тот момент на министра, замерли.

Лицо Гавэна исказилось. Он сжал руками голову, будто пытаясь спастись от чего-то, что со страшной силой поразило его разум. И рухнул навзничь.

– Отравлен... – растерянно проговорил кто-то.

Истошно завизжала одна из придворных дам, и визг этот всколыхнул дворцовый зал. Поднялись сумятица и шум. Вокруг корчившегося на мраморном полу в мучительных судорогах министра мгновенно появился и стал расти круг пустоты – люди стремились оказаться подальше от места страшного преступления. Грохнул опрокинутый стол, зазвенели, кувыркаясь по мрамору, золотые и серебряные кубки и блюда. Забухал бас капитана дворцовой стражи, но стражники не сразу сумели пробиться к Гавэну. А когда им это удалось, они, вместо того чтобы поднять министра, отшатнулись в ужасе. Тело господина Гавэна, еще несколько раз крупно вздрогнув, обмякло – и одежда на нем густо задымилась.

Затем первого королевского министра потрянуло так сильно, что он неожиданно принял сидячее положение. Но не опрокинулся снова. Опершись руками о пол, министр поднял голову и открыл глаза. Страшно было его лицо, окутанное черными змеями дыма. Глядя прямо перед собой выпученными, налитыми кровью глазами, Гавэн хрипло и раздельно проговорил:

– Мне. Нужно. Видеть. Короля.

– Право сидеть в присутствии монарших особ даровано тебе, дядюшка, еще стариком Ганелоном, – сказал Эрл, – отныне я дарую тебе право – лежать, находясь в одной комнате с королем.

Гавэн криво улыбнулся и положил дрожащую руку на левую сторону груди. Его не успели переодеть, Эрл сам снял с себя пурпурную мантию и накрыл ею первого министра – одежда того теперь представляла собой обугленные лохмотья. Но – странно – в прорехах не было заметно багровых следов ожогов.

В тесной комнате с закрытыми ставнями стало трудно дышать от набившихся туда лекарей и магов Сферы Жизни, практикующих целительство. Но Гавэн не подпускал их к себе.

– Позволь им осмотреть тебя, – второй раз предложил его величество, но первый министр, приподнявшись на широкой лежанке, покрытой медвежьей шкурой, наморщился и с усилием выговорил:

– Не... нужно...

Это были первые его слова с того момента, как он объявил о своем желании видеть Эрла.

– Вина... – просипел Гавэн, – пусть принесут вина...

– Не следует ничего пить и есть, если ты не знаешь, каким ядом тебя пытались отравить, – нахмурился король.

Гавэн поднял руку. Рука тряслась, будто кто-то дергал за привязанные к ней невидимые ниточки.

– Пусть... они уйдут, – сказал министр. – Но сначала... вина...

– Вина, – разрешил король.

Толпа лекарей задвигалась. И сразу же приоткрылась дверь, и в образовавшуюся щель просунулась голова стражника.

– Генерал дворцовой стражи сэра Айман, – проскрипел стражник и тут же исчез.

На порог ступил генерал дворцовой стражи. Лицо его было так бледно, что черная борода смотрелась неестественно, как приклеенная. Лязгнув доспехами, генерал опустился на одно колено.

– Ваше величество, – трудно дыша, выговорил он. – Поймали этого злодея... который господина первого министра отравить пытался...

– Что он говорит? – резко спросил король.

– Пока ничего не говорит, ваше величество, верещит. Ему еще только на ногах пальцы пообрубали. Как за руки примемся, все расскажет. Уж поверьте...

– Если через час я не узнаю имени того, кто подсыпал яд в кубок с вином господина Гавэна, – четко произнес Эрл, – распрощаться с пальцами придется тебе, сэра Айман.

Генерал судорожно дернул кадыком.

– Иди, – велел король. – Все уходите.

В комнате стало пусто. Только у приоткрытой двери, за которой были слышны приглушенный гомон и лязг оружия и доспехов, застыл слуга с кубком в руках. Повинуясь взгляду короля, он осторожно приблизился к министру. Поднося кубок к губам Гавэна, слуга даже зажмурился.

– Постой! – остановил его Эрл. – Отпей сначала сам.

Слуга со страху хватил такой большой глоток, что чуть сам тут же не отдал концы от сильного приступа кашля. Впрочем, откашлявшись, он вполне свободно перевел дыхание. Король кивнул.

Гавэн опорожнил кубок безо всякой опаски. Когда слуга поспешно удалился, Эрл коснулся рукой плеча первого министра.

– Война воспитала в тебе храбрость воина, дядюшка, – сказал король. – Едва оправившись от кубка с отравленным вином, ты тут же пьешь второй.

Гавэн ничего не ответил. Он лежал, закрыв глаза, но губы его шевелились, словно говорили что-то про себя. В полной тишине прошло довольно много времени. Наконец Эрл забеспокоился. И, когда он снова тронул первого министра за плечо, тот открыл глаза.

– Не было... никакого яда, – голосом еще хриплым, но уже более ясным проговорил Гавэн.

– Что?

– Не было яда.

– Тогда... что же это было? Я не понимаю.

– Поначалу и я не понял, – сказал Гавэн. – Будто раскаленная игла впиалась в мой мозг. Такой боли я никогда не испытывал. Никогда и не думал, что есть на свете такая боль. Это было... послание.

– Послание? – недоуменно повторил король.

Гавэн приподнялся и сел, свесив ноги и опершись спиной о стену.

– Когда они хотят говорить с тобой, – произнес он, – им совершенно не обязательно являться тебе. Ты знаешь об этом.

– Ты говоришь об эльфах? Это дело рук эльфов? Но... почему?

– Они могут передавать на какое угодно расстояние не только свои мысли, – сказал первый королевский министр, – но и свои чувства.

Король наконец осердился.

– Говори же толком! – повысил он голос. – К чему ходить вокруг да около?!

– Это был Лилатирий, – негромко произнес Гавэн. – И, когда он говорил со мной... он был в бешенстве. Не приведи боги никому почувствовать на себе гнев Высокого Народа.

– Что произошло? Что-то с ее высочеством?!

Гавэн кивнул. Эрл побледнел. То, что он услышал, подействовало на него, как удар в лицо. Король дернул головой и отшатнулся.

– Клянусь, – тихо сказал он. – Я убью любого, кто причинил хоть какой-то вред Литии...

– Она невредима, ваше величество, – сообщил Гавэн, – но...

Министр вздохнул.

– Отряд сэра Бранада, который вы изволили послать навстречу ее высочеству, – начал рассказывать он, – уже почти достиг своей цели. Лилатирий явился принцессе незадолго до того, как ратники увидели ее высочество. Как и обещал, Лилатирий вознамерился силой своей магии перенести принцессу во дворец в одно мгновение ока. Но ему не позволили сделать это.

– Кто?.. – начал было король... Но тут же осекся.

– Да, – подтвердил Гавэн. – Сэр Кай и сэр Оттар. С ними был еще один рыцарь, предположительно из Болотной Крепости Порога. Они воспротивились воле эльфа. Они воспротивились и вашей воле, ваше величество.

Король молчал, опустив голову.

– Значит, – проговорил он, словно забывшись в раздумье, – свадьба все-таки откладывается. Слава богам...

– Более того, – продолжал Гавэн, не услышав короля. – Они разбили отряд Бранада. Отряд, посланный приказом действующего монарха, правителя Гаэлона.

Король молчал. Гавэн внимательно посмотрел на него.

– Я знаю, что рыцари – ваши друзья... – заговорил снова первый министр.

– Они – мои братья, – поправил Эрл.

– Пусть так, ваше величество. Когда-то вы, сэр Кай и сэр Оттар принадлежали одному Братству. Братству Порога...

– Когда-то? – поднял голову король. Кажется, только сейчас он полностью впустил в свой разум сведения, которые донес до него Гавэн. – Когда-то?.. Я и сейчас остаюсь рыцарем Порога, и изгнать меня из Братства может только Магистр моего Ордена. Но он... – Эрл не договорил.

– Сэр Генри, ваш батюшка и мой возлюбленный брат ни за что этого не сделает, – мягко возразил Гавэн. Его голос уже обрел прежнюю податливость и стал выражать те чувства, которые хотел выразить министр.

– Я никогда и ни в чем не нарушил Кодекса своего Ордена, – твердо произнес Эрл. – Я клялся защищать людей от Тварей, приходящих из-за Порога, и я положу все силы, чтобы выполнять свой долг, даже если положение дел требует моего постоянного присутствия в Дарбионе. Горная Крепость Порога, где я заслужил право вступить в Орден, получает столько оружия и провианта, сколько необходимо. Все, что нужно, отправляется и в Северную Крепость. А теперь еще налаживается и обеспечение Болотной Крепости, которая долгие века была отрезана от обжитых земель... Я рыцарь Порога! – повторил Эрл. – И первое, чему меня учили, – это следовать своему Долгу, не сходя с прямого пути ни на шаг!

– Я прекрасно осведомлен об этом, ваше величество. Я и помыслить не могу о том, что вы способны нарушить клятву. Но... вы уже не простой рыцарь. Вы – король Гаэлона! И, став королем, вы приняли на себя обязательство заботиться о своих подданных. А то, что сделали эти трое... ужасно. Преступление, которое они совершили, грозит крахом всем нашим планам. Великим планам, ваше величество! Создание Империи, подданные которой станут жить, не зная страха, в спокойствии и достатке... Империи, в которой уже не будет места кровавым распрям алчных до власти... Когда все Шесть Королевств объединятся в единое могучее государство, вот тогда вы уверенно сможете сказать, что с честью и до конца

исполнили свой королевский Долг! Разве не так, ваше величество? Может быть, я неверно понимаю ваш Долг короля?

– То, что ты говоришь, правильно, – ответил Эрл, – но...

Дальше этого «но...» он не продвинулся.

– Высокому Народу нанесено чудовищное оскорбление, – заговорил Гавэн. – А если эльфы не поддержат нас в создании Империи, у нас ничего не получится. Все так же будет литься кровь, все так же будут гореть селения и города, все так же будут гибнуть люди. И не ровен час, пламя войны перекинется из соседних, раздираемых смутой королевств в Гаэлон... заботиться о подданных которого – ваш Долг, ваше величество.

Эрл отошел к окну. Ударом кулака распахнул ставни. Зазвенел на плитах пола оторвавшийся бронзовый засов.

– Ваше величество... Эрл, мальчик мой... прости за то, что я осмеливаюсь называть тебя так... Я предан тебе до последнего вздоха – как королю. Но я и люблю тебя всем сердцем – как сына своего родного брата. Я понимаю: ты доверяешь рыцарям своего Братства, душой своей ты всегда будешь с ними. Но бремя короны тяжело... Поверь мне, иногда наступает такой момент, когда приходится делать выбор. Сложный выбор, невероятно сложный. Дружба – она и есть дружба. Но Долг короля – в том, чтобы суметь поступиться личным ради блага своего королевства. Того, что произошло, нельзя оставлять без последствий. Рыцари нарушили твою волю – за одно это их должно покарать смертью. Но ведь их жуткий поступок угрожает будущему всего королевства! Будущему не рожденной еще Империи...

– Брат Кай и брат Оттар поклялись везде и всюду сопровождать ее высочество, оберегая жизнь и спокойствие Литии, – оборвал король Гавэна. – Ты знаешь об этом. Не отпустив принцессу с Лилатирием – они всего лишь выполнили свой Долг. Они не могли отпустить Литию. Потому что самое страшное для рыцаря Братства Порога – сойти с пути Долга. Они сами приведут принцессу в Дарбион. Пока ее высочество с ними, я могу не опасаться за ее жизнь.

– Они оскорбили Высокий Народ недоверием, – покачал головой первый министр. – Они обнажили оружие против эльфа. Они нарушили волю короля. Что будут говорить при дворе, когда узнают: принцесса не прибудет в ближайшее время во дворец? Ведь о возвращении ее высочества говорили от вашего имени... А слово короля должно быть тверже камня.

Эрл стиснул зубы и коротко выдохнул.

– Эти рыцари... – торопился дальше высказаться Гавэн, – они... обязаны предстать перед судом. И это должен быть не суд Совета министров. Это должен быть – Королевский суд. Да... Простите меня, ваше величество, но... если вы этого не сделаете, вы отступите от своего Долга. От Долга короля.

На мгновение Гавэну показалось, что Эрл выхватит меч и зарубит его прямо сейчас и здесь – на лежанке, покрытой медвежьей шкурой, зарубит, запятнав его кровью свою же пурпурную мантию. Первый министр заставил себя смотреть в глаза королю, хотя больше всего ему сейчас хотелось вскочить и выбежать из комнаты.

Взгляд Эрла окаменел. Гавэну показалось, что прошла целая вечность, прежде чем король заговорил.

– Долг короля... – медленно и тихо произнес он. – Долг короля – делать все ради блага своих подданных. Но и право короля: казнить или миловать тех, кого он судит. – Голос Эрла окреп. – Они поймут меня...

– Казнят или милуют тех, кто предстал перед судом, – осторожно произнес Гавэн.

Эрл поморщился с досадой:

– Не говори мне очевидных вещей. Итак... Мой Долг велит мне взять под стражу рыцарей Братства Порога, осмелившихся нарушить королевскую волю, дерзнувших – пусть даже без умысла – поставить под угрозу благополучие королевства. Что ж... Да будет так.

Гавэн сполз с лежанки и встал на колени.

– Я вижу перед собой истинного короля, – проговорил он, упершись лбом в пол. – Я понимаю, Эрл, мальчик мой, как тяжело тебе было сделать свой выбор...

Король остался безучастным к действиям министра. Он сказал:

– Запомни, господин первый министр Гавэн: я ни за что не стану казнить своих братьев. Ты понимаешь меня?

– Я понимаю вас, ваше величество, – не вставая с колен, ответил Гавэн. – Виновны или нет обвиненные на Королевском суде, решает Совет Министров. Но окончательное слово принадлежит королю – и только королю. Вам не о чем беспокоиться – жизнь ваших братьев в ваших же руках.

– Эй! – крикнул Эрл, и дверь в комнату тут же приоткрылась. – Пергамент, чернила и сургуч! Быстро!.. Поднимись и ляг, господин первый министр, – добавил он, кладя руку на королевскую печать, висящую на поясе, – ты еще слаб... Да! И распорядись, чтобы того несчастного слугу, который подал тебе кубок с вином, освободили... и выдай ему из казны... сколько посчитаешь нужным.

– Ваше величество! Я позабочусь о нем, – пообещал первый королевский министр.

Кряхтя и морщась, Гавэн поднялся с колен и тут же уселся на лежанку. Говорить было больше не о чем, но первый министр, кажется, чего-то еще ждал от короля. Да и сам Эрл не спешил – ни покидать комнаты, ни призывать слуг, чтобы они доставили Гавэна в его покои.

– Ваше величество, – осторожно начал первый королевский министр, – мне показалось, что вы не слишком опечалены тем известием, что прибытие принцессы в Дарбион задержится. Быть может... ваши братья действовали по вашему указу?

– О чем ты говоришь, дядюшка? – нахмурился король. И, избегая глядеть министру в лицо, снова отвернулся к окну.

Гавэн вздохнул и неловко пошевелился – лежанка отозвалась тихим скрипом.

– Мне было еще меньше лет, чем вам, ваше величество, когда я начал служить королю Ганелону в Дарбионском королевском дворце, – произнес он. – Можно сказать, я всю свою жизнь провел при дворе. Ничто из того, что происходит здесь, не ускользает от моего внимания.

Эрл промолчал.

– Ваше величество... – позвал Гавэн.

– Если ты так много знаешь, о чем же ты спрашиваешь? – резко произнес король.

– То, что я знаю, – тихо сказал Гавэн, – знаю только я. И еще те, кто никогда не откроет рта без моего позволения. Я думаю, что нам нужно поговорить с вами, ваше величество, потому что...

– Не о чем говорить! – резко оборвал министра Эрл. – Кроме разве что вот чего... Убери от меня своих соглядатаев. Или ты думаешь, что я – рыцарь Ордена Горной Крепости Порога – не способен распознать слежку за собой? Говорю тебе, если я еще раз почувствую взгляд в спину, я не погнушаюсь, лично догоню твоих крыс и отрублю им ноги.

– Помилуйте, ваше величество! – распахнул глаза Гавэн. – Вы мой король, и я знаю вас с самого вашего рождения! Неужели я посмел бы следить за вами?!

– Хочешь сказать, что я лгу?! – Лицо Эрла покраснело.

– С тех пор, как я заметил, что с вами что-то творится, я велел приставить к вам охрану, – скороговоркой выпалил Гавэн.

– Что? – удивился король.

– Моим людям приказано, оставаясь в тени и не попадаясь на глаза, стеречь вашу безопасность, отмечать, кто, когда и зачем приближается к вам или оказывается рядом с вещами, которыми вы могли бы воспользоваться. Если такова будет ваша воля, я распоряжусь убрать

этих людей – и вы больше никогда их не увидите. Но, ваше величество... Все, что я делаю, направлено на ваше благо и благо королевства. И я бы советовал...

– И что же докладывали тебе твои... мои охранники? – перебил Гавэна Эрл, и голос его звучал напряженно-насмешливо.

– Вот об этом я и хотел говорить с вами, ваше величество...

– Не о чем разговаривать! – мгновенно переменившись в лице, снова воскликнул король.

И, тяжело ступая, крепко хлопнул дверью.

Спустя час, когда слуги натирали душистыми маслами его тело, Гавэн вдруг прислушался, сторожко подняв голову, и вскинул руку, отталкивая ближайшего к нему прислужника.

– Вон отсюда, – негромко потребовал он. – Быстро!

Ни о чем не спрашивая, слуги один за другим покинули покои первого королевского министра. Гавэн натянул на голую, блестящую от масла грудь покрывало. Тотчас гобелен на стене комнаты дрогнул и разошелся надвое, будто оконные занавеси, обнажив вовсе не каменную кладку стены, а черный четырехугольный провал. Из того провала неслышно выступил человек в темных одеждах. Удивительно было лицо появившегося: тусклые, словно полустертые черты не выражали никаких чувств, и оттого, наверное, ничей даже самый пытливый взгляд не задержался бы на этом лице надолго.

Человек в темном не произнес ни слова. В ответ на вопросительный взгляд министра он одной рукой нарисовал в воздухе какой-то знак, а вторую – с растопыренной пятерней – приставил к затылку, обозначив над своей головой несуразное подобие королевской короны.

Гавэн кивнул человеку. Спустя мгновение в комнате, кроме него самого, никого не было. И гобелен, как прежде, плотно укрывал стену от потолка до пола. Первый министр откинулся на подушки и закрыл глаза. Очень скоро дверь в его опочивальню открылась. Его величество король Гаэлона Эрл Победитель перешагнул порог и плотно прикрыл за собою дверь.

Король был без привычных рыцарских доспехов; под тяжелой мантией поблескивал вышитый золотом камзол, подбитые железом сапоги гулко постукивали по плитам пола. Эрл выглядел измученным. Он глядел исподлобья, и лицо его было серо. Гавэн попытался подняться навстречу королю, но тот знаком разрешил ему лежать. Эрл молча положил руку на спинку стоящего у стены массивного кресла и одним движением придвинул его к постели министра. Уселся и тяжело вздохнул.

– Я отпустил стражу от дверей твоих покоев, – сказал король, устало потирая лицо ладонями. – Ты хотел говорить со мной... Знаю, о чем будет этот разговор. И знаю, что этот разговор нужен мне. Я... кричал на тебя, дядюшка... – Поморщившись, он мотнул головой. – Я так устал за последние дни.

– Ваше величество, позвольте мне принести свои извинения за то, что я посмел расстроить вас, но я...

– Говори, – пристукнув рукой по подлокотнику, сказал король. – Говори все, что знаешь.

Голос Эрла отвердел, как отвердел и его взгляд, вперившийся в лицо министра. И Гавэн понял, что вовсе не церемонных извинений ждет от него король.

– Фрейлина Ариада... – осторожно заговорил первый министр, чутко следя за выражением лица короля. – Я знаю, что ваше величество изволило дважды встретиться с ней спустя два дня после того, как мы триумфально прибыли в Дарбион. И уже на следующий день после последней встречи Ариада была отослана из дворца и из города. А через пять

дней королевские покои посетил маг Сферы Жизни Тулус, один из лучших целителей нашего королевства.

– Этот болван проболтался! – вскинулся после последних слов министра Эрл. – Вайар Светоносный, он же поклялся мне – своему королю – что никто никогда не узнает об этом визите!

– Ваше величество, – вкрадчиво проговорил Гавэн. – Если бы вы с самого начала доверили это дело мне, вам бы не о чем было так беспокоиться. Сколько раз я выполнял подобные поручения для старого Ганелона! Но... почтенный Тулус вовсе не нарушал данную вам клятву...

– Как тогда ты узнал о нем? Он явился ко мне переодетым в одежду слуги, и лицо его было закрыто капюшоном.

– Я уже говорил вам, ваше величество: мне известно все, что происходит во дворце... Почти все. Между нами, ваше величество... – Гавэн хотел было понимающе улыбнуться, но, взглянув на плотно стиснутые губы Эрла, не стал этого делать. – Почтенный Тулус, конечно, сведущий маг и опытный целитель, но заболевания, которыми порой дарят нас наши прекрасные подруги, это особые заболевания. В большинстве случаев магия исцеления здесь не помогает. Потому что Орден Королевских Магов попросту не дает своим членам знания в данной области. Лечение лучше доверять тем, кто именно этим и занимается. Во дворце есть такой человек, его зовут Ашас. Долгие годы он трудится на королевской кухне, и, надо сказать, довольно много смыслит в кулинарии. Но еще лучше заварных кремов ему удаются снадобья, снимающие последствия потаенных ночных встреч...

Эрл молчал, опустив голову. Гавэн услышал какой-то странный скрежещущий звук и на мгновение прервал речь, чтобы понять его происхождение. Он удивленно поднял брови, когда увидел, что тяжелое кресло, в подлокотники которого из всех сил вцепился король, мелко-мелко трясется, скрежеща ножками по полу.

– Ваше величество, позвольте мне снова говорить с вами не как с моим королем, а как с моим племянником, – понизил голос первый министр. – Мальчик мой, ты знаешь, я всегда любил тебя как сына... Тебе следовало бы сказать мне о своих желаниях... в которых нет ничего постыдного. Сколько раз я оказывал его величеству Ганелону Милостивому подобные услуги. Поймите... Пойми, мой мальчик, ты – правитель королевства. Твое здоровье стоит дорого, очень дорого. А твоё семя – ещё дороже. Неожиданное появление незаконнорожденных наследников очень опасно для королевской семьи... Поэтому для удовлетворения желаний короля при дворе обычно держат... женщин, которым боги не даровали радости материнства. И чье тело чисто, как лунный свет. Но если королю понравится какая-нибудь еще прелестница, не входящая в их число, с ней сначала поработают сведущие люди – это не проблема. Все, что тебе нужно было сделать, Эрл, мой мальчик, это – сказать мне. Просто сказать.

– Я не думал, что все произойдет так... Ариада... Мы просто разговаривали, а потом...

– Это я виноват, – вздохнул Гавэн. – Надо было мне вспомнить о твоём воспитании в Горной Крепости. Но ведь там были женщины?

– Мой отец нечасто позволял мне... И они были совсем не такие, как дворцовые фрейлины... Великий Вайар, какое бесчестие!..

– Не переживай, мой мальчик, это обычное дело... Сейчас же здесь будет Ашас, и скоро ты выздоровеешь. А фрейлины уже нет во дворце. И ты никогда ее больше не увидишь.

– Что? – поднял голову Эрл. – Почему ты так уверен в этом? Ты что?..

– Конечно, я послал людей отследить ее. Я же говорил тебе о незаконнорожденных детях короля. Мой долг – заботиться о тебе... заботиться о вас, ваше величество... Простите меня за то, что я не успел вовремя.

– А если?.. – тяжело дыша, спросил Эрл, тут же позабыв о фрейлине. – Если это?.. Останется?.. А если Лития?..

– Ашас знает свое дело, ваше величество. И никто ничего не заподозрит.

Король расстегнул золотую пряжку в виде львиной головы и повел плечами – тяжелые складки мантии с шумом упали на пол по обе стороны от кресла. Не поднимая головы, Эрл развязал сверху шнуровку камзола. Потом резко дернул ворот, обнажая грудь.

Гавэн, взяв со столика свечу, подсвечивая себе, подался ближе к королю.

Левая часть грудь Эрла представляла собой сплошное бугристое черно-багровое месиво, которое топорщилось лохмотьями мертво-бледных струпьев, а под ними налились крупные капли грязно-желтого гноя. Первый королевский министр невольно отдернул голову.

– Сначала появилась маленькая ранка, – хрипло говорил Эрл, все так же глядя в пол, – как от укуса пчелы. Я и не обратил внимания, а ранка скоро превратилась в язву... и язва стала расти... Это убивает меня, дядюшка... Меня не страшат смерть и боль. Меня страшит позор. И еще... все это так уродливо... Я будто гнию заживо. Во что я превращусь через месяц? Через два? Каким увидят меня мои подданные? Каким увидят меня эльфы?! Каким увидит меня – Лития?!.. Более всего я боюсь, чтобы об этом жутком позоре не узнал Высокий Народ... И она – моя принцесса...

Гавэн сполз с постели, торопливо подбежал к гобелену и дернул за свисавший сбоку шнур. Едва он успел отступить на шаг, гобелен, разделившись на две части, открыл черный проход, в котором мелькнуло серое лицо. Первый министр шепнул несколько слов прибывшему и снова закрыл потайной ход.

Ашас – пожилой румяный толстячок в простом, но добротном камзоле и сапогах на мягкой подошве – явился через четверть часа. Он приступил к осмотру немедленно, не сказав ни слова, и никак не дал понять, что узнал, кого ему предстоит врачевать. Видимо, таков был устоявшийся обычай его ремесла. Густо намазав руки какой-то вонючей дрянью, он принялся надавливать на изуродованную плоть, приподнимать струпья, запускать пальцы в глубокие, сочащиеся гноем черные рассечины язв. Движения его, поначалу деловито-быстрые, постепенно замедлялись... Скоро Ашас вовсе опустил руки. Не глядя на застывшего в кресле Эрла, словно замечая в комнате только Гавэна, он отошел на середину комнаты. Первый министр, поколебавшись, подступил к нему.

– Это ни на что не похоже, – шипящим шепотом проговорил лекарь, – я не знаю, что это такое. Хотелось бы посмотреть на бабу...

– На бабу теперь любитесь Харан в своем Темном мире, – очень тихо сказал сквозь зубы Гавэн.

Но Эрл слышал их.

– Тулус говорил мне, что, вероятнее всего, эта болезнь – магического происхождения, – подал голос король. – Но как избавиться от нее, он тоже не имел ни малейшего понятия... – Эрл осторожно и медленно запахнул ворот камзола. – Очевидно, фрейлину кто-то проклял, а она... передала это проклятие мне.

– Сгинь, – приказал Гавэн Ашасу.

Когда тот исчез, бесшумно ступая по каменным плитам пола своими сапогами на мягкой подошве, первый королевский министр закрыл тайный ход и обернулся к Эрлу.

– Ваше величество, – сказал он, – я приложу все усилия, чтобы помочь вам. Но... может быть, попросить эльфов? Я уверен, что их мудрость...

– Нет! – громко захрипел король. – Это невозможно! Только не это! В их глазах каждый человек низок и гнусен, а от такой-то мерзости они отшатнутся в ужасе! Я сражался бок о бок с ними, они являются только мне одному и только со мной говорят... Нет! Эльфы не должны

знать об этом! Я умру от стыда, если им станет известно о беде, которая приключилась со мной... Если им... И Литии...

Некоторое время Гавэн размышлял. Затем устало опустился на свою постель и проговорил:

– Эрл, мальчик мой. Я жизнь положу, чтобы спасти тебя... Но мне нужна свобода действий.

– Ты получишь ее, – не думая, проговорил Эрл, – отныне ты волен поступать так, как тебе покажется правильным, не спрашивая моего позволения. До того дня, как эта позорная погань уйдет из моего тела. Сделай так, чтобы я выздоровел, дядюшка!

– Клянусь жизнью! – торжественно возгласил первый королевский министр господин Гавэн.

Король тяжело поднялся и накинул на плечи мантию...

Оставшись один в своих покоях, Гавэн улегся в постель. Он долго лежал, не двигаясь, только шевеля губами, точно размышляя, разговаривал сам с собой. Потом вдруг открыл глаза, гортанно вскрикнул и, приподнявшись, схватился за грудь.

– Не надо... – с трудом проговорил министр. – Не надо... Зачем это?..

Мертвенный холод стиснул его сердце. Злобное существо, снова проснувшееся в груди Гавэна, зашевелилось, причиняя невыносимую боль. И тем страшна была эта боль, что явственно ощущалось: она не обычный предвестник раны или болезни. Эта боль могла означать только одно – скорую и неминуемую смерть. Абсолютный конец, после которого нет и не может быть ничего.

– Я сделал все, как вы хотели, досточтимый Лилатирий, – захрипел министр, – я сделал все, что от меня зависело... Клянусь, большего не смог бы никто! Почему же?..

«Это еще не все, – зазвучал в его голове певучий голос, – далеко не все... Мало убедить короля взять под стражу и судить Королевским судом тех, кого называют болотниками. Я хочу, чтобы их приговорили к смерти. Чтобы они были казнены при большом стечении людей, казнью жестокой и позорной. Я хочу, чтобы о святотатстве, свершенном этими гнусными преступниками перед Высоким Народом, знал весь Дарбион... Я хочу, чтобы жители великого города сами жаждали смерти для болотников. Ты понял меня?»

– Да... – заскулил Гавэн, корчась на постели, – я понял, понял... Я сделаю, как вы велите... Народ Гаэлона возненавидит болотников, посмевших оскорбить вас... Я... я... Не надо меня мучить больше, досточтимый Лилатирий!.. Я же и так верно служу вам!.. Какая польза от того, что я сдохну от боли?.. Я все сделаю, все! Король верит мне, как никому другому! Вы же и сами знаете уже – он таки открыл мне поразившую его напасть! Он дал мне свободу действий, чтобы я помог ему излечиться! Видите, я не подвел вас! И дальше не подведу!

«Вот то, что понадобится тебе», – прозвенело еще в голове первого министра. И смолкло.

Ледяной комок в груди Гавэна стал медленно оттаивать. Боль отступала. Он, тяжело дыша, откинулся на перину. Слезы бежали по его морщинистым щекам. Вытянув ноги, он почувствовал, как ступни уперлись во что-то тяжелое. Приподнявшись, министр увидел в изножье своей кровати большой кожаный мешок. Толкнув его, услышал приглушенное металлическое звяканье. От толчка мешок неуклюже накренился – и из неплотно стянутого горла сияющим потоком посыпались на пол золотые монеты.

Ни одно из заклинаний, провешивающих телепорт, здесь не работало. Маклак попробовал их все, и не по одному разу. И портал Трех Сердец, и Пронизывающую Нить, и даже могущий мгновенно перенести за тысячи шагов отряд из десятка человек Звездный Путь...

И – ничего. Когда до завершения заклинания оставалось лишь несколько слов, когда тело уже крупно тряслось от избытка магической энергии, требующей выхода, безжалостные стрелы неумолимого ледяного холода вонзались в мозг, парализуя мысли. И над головой заклинателя разверзалась невидимая, но остро ощущаемая дыра в пространстве, всасывающая в себя энергию.

Вот уже более семи дней Маклак метался в этих стенах. Подумать только – раньше он сам мечтал попасть сюда! Более того, ему пришлось доказывать, что он достоин того, чтобы оказаться здесь. А теперь он полжизни готов был отдать за то, чтобы выбраться...

Страшная это штука – предопределенность...

Комната, отведенная Маклаку, оказалась не мала и не велика. Пожалуй, скорее, велика, но из-за обилия стеллажей, полки которых были забиты свитками и книгами, из-за двух больших столов, уставленных ретортами, колбами и прочими разнообразными склянками, из-за совсем уж невообразимого количества травяных пучков и засушенных тушек змей, жаб, червей и мелких животных, висящих под потолком на веревках и крючках, – комната эта казалось тесноватой.

Но здесь было все, что могло понадобиться магу для работы. И, наверное, даже больше. Маклак до сих пор не познакомился и с десятой частью книг и свитков.

Впрочем, времени для этого у него теперь имелось достаточно. Более чем достаточно. За дверью комнаты, в коридоре, было тихо.

Отдышавшись, Маклак разжег огонь в камине под небольшим котлом. Пока нагревалась вода, вытер потное лицо, пятерней постарался распутать клоки свалывшейся бороды... Присел у камина, вытянув ноги и машинально расправляя складки длинного балахона теплого светло-серого цвета. Хороший это был балахон, удобный. Совсем не стеснял движений, отлично впитывал пот, но не держал запаха. Насколько Маклак мог судить, ткань не обрабатывали магией, а изготовили каким-то необычным способом.

Вода закипела. Маклак отщипнул по одному стебельку от разных пучков трав, каждый стебелек взвесил на крохотных настольных весах. Он изучал магию Сферы Огня, поэтому нечасто работал с травами – и, когда ему приходилось делать это, всегда соблюдал крайнюю, зачастую даже ненужную осторожность. Он вообще был осторожен: прежде чем принять какое-нибудь мало-мальски значительное решение, взвешивал в уме все аргументы «за» и «против» – вот как эти травяные стебельки сейчас. И – надо же – в конце концов на пятидесятом году жизни умудрился угодить в такую западню...

Стебельки полетели в котелок. Туда же отправились кончик хвоста белой саламандры и три высушенных крысиных усика. На полке у камина рядом лежали несколько десятков палочек: вырезанных из ветвей деревьев разных видов, выкованных из различных металлов и сплавов, изготовленных из костей животных и человека. Маклак поискал и нашел ясеневую палочку. Ею он помешивал варево, считая вслух до тридцати пяти. Произнеся: «тридцать пять», вернул палочку на полку и снял котелок с огня. Вариво полагалось пить сразу же, не дожидаясь, пока оно остынет. Привычно морщась и шумно дыша через нос, Маклак выпил весь котелок, не отрываясь. Длинно отрыгнул зеленоватым дымным облачком.

Эффект от выпитого отвара не заставил себя долго ждать. Мага бросило в пот, потом в дрожь. А потом он на малую долю мгновения потерял сознание. Очнувшись, пошатнулся, но на ногах устоял. Радостно выдохнул. Тело вновь наполнилось силой, разум встрепенулся, ожил – будто Маклак и не истязал себя долгое время магическими упражнениями.

– Хорошо же, – пробормотал он. – Это место защищено от заклинаний перемещения. А что, если попробовать попросту прорыть себе лаз на поверхность?

Подумав немного, прочтением стандартной формулы открыл для себя энергетические потоки и, черпнув нужное количество энергии, произнес заклинание Пламенеющего Клинка.

В его руках появился тонкий и длинный светящийся стержень. Маклак взмахнул им, стержень, вспыхнув, обвился языками пламени – и превратился в подобие пылающего меча. Подойдя к одной из стен, маг рубанул Клинком стеллаж с книгами. Сердце его запело, когда на пол полетели чадящие обрывки бумаги и древесины. Маклак ударил еще раз – по обнажившимся каменным плитам.

Пламенеющий Клинок взорвался огненным цветком, коснувшись плит. Мага отбросило на несколько шагов.

Придя в себя, он обнаружил, что в руках у него ничего уже нет, голова кружится, а ладони покрыты толстым слоем жирной копоти. Полосы черного дыма плавали под потолком.

Снова неудача.

– Ничего... – тяжело дыша, прохрипел Маклак, поднимаясь на ноги, – ничего... Должен быть способ бежать отсюда. Неужто я – маг Сферы Огня – не найду решения?!

За дверью слышались шаги. Он заметался по комнате в лихорадочном стремлении уничтожить следы своей преступной деятельности... Но вовремя сообразил, что ведет себя глупо. Это место набито опытными магами, которые наверняка давно уже поняли, чем он здесь занимается. Другое дело, что почему-то никто не пытался его остановить.

С тихим всхлипом открылась эта диковинная дверь. В комнату шагнул седобородый старец с совершенно голой, как костяной шар, головой. Одет он был в точно такой же светло-серый балахон, как и у Маклака. А в руках держал глиняный кувшин и ковригу кукурузного хлеба.

Маг глянул на старца исподлобья, шагнул в сторону и устало опустился на единственный табурет.

– Приветствую тебя, Хранитель Маклак, – тихо сказал старец, словно и не замечая кавардака в комнате. – Ты который день не выходишь к нам, поэтому я взял на себя смелость побеспокоить тебя и принести еды. Ты слишком увлечен, Хранитель Маклак, и забываешь поесть. Так нельзя. Следует хорошо питать тело, ибо оно – обиталище разума.

Маг молчал. Этот старик заходил к нему не первый раз. Маклак даже запомнил его имя – Разис. То бишь – Хранитель Разис.

– Все мы здесь делаем одно общее дело, – продолжал Хранитель Разис. – Великое дело! Оберегаем знания прошлых поколений от них, *тех-кто-смотрят*... – Глаза старца вспыхнули огнем застарелой ненависти, и голос зазвучал тверже и громче. – От тех, кто когда-то раз и навсегда остановил развитие человечества, заключив свободный полет мысли в клетку запретов. Мы храним знания и совершенствуем их... Поэтому мы стараемся чаще общаться друг с другом, – заговорил Разис спокойнее. – Это полезно, Хранитель Маклак, это дает тебе новые мысли и новые идеи. То, над чем ты сейчас работаешь... – старик бросил взгляд на покореженный стеллаж, – довольно перспективно и интересно: покинуть место, которое покинуть невозможно. Но... пока ты идешь дорогой, которую в свое время проходил почти каждый из нас. А чтобы получить действительно значимый результат, нужно искать новые пути.

Маклак с удивлением воззрился на гостя. Ну да – этот Разис и прочие Хранители знают о его отчаянных попытках вырваться отсюда, из этой западни. И что же, это их несколько не беспокоит?

– Всех нас поначалу терзала тоска по прошлой жизни, – проговорил старик. – Кого-то больше, кого-то меньше. И многие, как и ты, потратили уйму времени, чтобы найти выход отсюда. Надеюсь, не надо говорить тебе о том, что ни у кого это не получилось. Но кое-кто, стремясь к ложно понимаемой свободе, сделал... довольно интересные открытия. Кому-

то даже посчастливилось создать новые заклинания – а ты знаешь, насколько редко такое случается.

Хранитель Разис положил кувшин и хлеб на стол. И направился к выходу. У самой двери он обернулся.

– Пройдет время, – сказал он, – и ты успокоишься. Ты поймешь, что здесь – самое место тебе и таким, как ты. И обретешь счастье труда и творчества. И вспомнишь – зачем ты сюда явился. А пока... Что ж... занимайся тем, чем занимаешься. И если тебе понадобится помощь или совет – обращайся к любому из нас.

Маклак так и не проронил ни слова. Разис удалился.

Оставшись в одиночестве, маг вскочил со стула и забежал по комнате.

Великое дело! Хранить и приумножать знания. Общее дело, великое дело! Совсем недавно для него это были не пустые слова. Совсем недавно он был готов покинуть жалкий косный мир, где ему – тому, кто не удовлетворен изысканиями в одной лишь Сфере искусства магии, – приходилось таиться, скрывать жадный интерес к запретному. Совсем недавно он стремился найти место, где все – такие, как он: жаждущие учиться и творить без оглядки на глупые древние запреты. И это произошло. Вот он здесь: и необъятные просторы познания открылись ему. Казалось бы, случилось то, о чем мечталось. Но...

Тот, кто привел его сюда, утаил от него главное: оказавшись здесь, Маклак никогда уже не сможет вернуться назад. Никогда.

Предопределенность – страшная штука.

Полностью осознав это, маг запаниковал. Он прожил половину отведенного человеку века, привыкнув ненавидеть и презирать свой мир – мир тупых и ленивых слюнтяев, живущих лишь ради того, чтобы полнее набить желудок да сгрести побольше золота в сундуки. Идиоты... Счастье чистого познания – вот к чему следует стремиться. Объяв разумом сущее, ты станешь могущественнее любого короля. Для него это было ясно как день. А те, другие, этого совершенно не понимали... Как он тогда желал, чтобы его оставили в покое, позволив заниматься тем, чем он хочет... Но сейчас... Сейчас он отдал бы все – лишь бы вернуться обратно. Разис говорил: Хранители проходят через это, но Маклак чувствовал, что тоска по прошлой жизни никогда не угаснет в нем.

Возможно, дело тут было в том, что его – в отличие от других Хранителей – привела сюда не ненависть к *тем-кто-смотрит*, а всего лишь желание делать то, что запрещено: изучать магию всех четырех Сфер, а не одной, когда-то единожды избранной. Маклака всегда бесили рамки и ограничения. Он пришел сюда, чтобы избавиться от них, а очутился в еще более страшных тисках.

Кем были для него *те-кто-смотрят*? Он никогда над этим не задумывался. Этот Разис и прочие Хранители... полагали их причиной всех зол на земле. Глупости... Маклак считал, что люди сами виноваты в своих бедах. Проще всего свалить вину на кого-нибудь другого... А *те-кто-смотрят*... Разве этим существам, таким могущественным, придет в голову влезать в дела людишек? Это все равно как если бы ему самому, искусному магу Сферы Огня, вдруг взбрело в голову поучать каких-нибудь пастухов или гончаров – как им делать их дело... Зачем? Если бы они молили его о помощи, может быть, он и снизошел бы к их просьбам. Но сам ни за что не стал бы вникать в их ничтожные жизни.

Маклак подошел к столу, отпил глоток из принесенного Разисом кувшина. В кувшине оказалась вода, холодная и вкусная. Неимоверная жажда проснулась в нем – это кипящий мыслями разум наконец внял зову плоти. Когда он последний раз ел или пил? Маклак, несколько раз отрываясь, чтобы перевести дыхание, осушил кувшин. Потом взялся за хлеб. Жуя, маг продолжал размышлять.

Итак, Хранители спокойно отнеслись к тому, что новоприбывший только тем и занимается, что пытается выбраться отсюда. Значит, они уверены в том, что это невозможно. Но

пленник знал, что ничего невозможного нет. Просто те, кто искал выход до него, – испробовали не все.

Магия? Ясно, что тут ему ловить нечего...

Копать лаз вручную? Он не успеет углубиться и на ладонь, как его остановят.

Что еще остается? Взывать к богам? Молиться? Но маги не имеют права надоедать богам своими просьбами. Каждому известно, что боги не слушают тех, кто посвятил свою жизнь изучению искусства магии. А если когда прислушаются и решат вмешаться – сделают не как надо, а наоборот, назло... Ведь быть магом – значит стремиться к божественному могуществу. А боги этого не терпят...

«Пока ты идешь дорогой, которую в свое время проходил почти каждый из нас...» – говорил Хранитель Разис.

– Не совсем так, – мысленно ответил ему Маклак. – Не совсем...

Было у него кое-что, к чему никогда не прибегали новоприбывшие Хранители, которых тоска по прошлой жизни заставляла искать пути бегства отсюда. К чему не прибегали, о чем даже и помыслить не могли...

Покончив с едой, Маклак вышел на середину комнаты и, закрыв глаза, сосредоточился.

«О, дети Высокого Народа! – беззвучно заговорил он. – Вы, всевидящие и всеслышащие, обратите на меня, недостойного, свой взор. Спасите меня! Явите свою милость!.. Кроме как на вас, нет у меня надежды ни на кого... Укажите мне путь, ведущий отсюда! Укажите мне путь, ведущий отсюда...»

То, что Маклак делал сейчас, он делал не впервые с тех пор, как оказался здесь, в этом месте. Никакого ответа от тех, к кому взывал, он ни разу не получил, и, наверное, прекратил бы бессмысленное это занятие, но два или три дня тому назад – во время очередного обращения к *тем-кто-смотрят* – его посетило странное ощущение чьего-то незримого присутствия. Почти незаметное ощущение ободрило его.

На самом деле: после Смуты Высокий Народ стал чаще являться людям. И являться с добром... Почему бы им, *тем-кто-смотрят*, не ответить на его мольбу? Ведь ничего дурного Маклак Высокому Народу не сделал – даже в мыслях. Он согласился прийти сюда для того, чтобы получить возможность заниматься тем, чем хочет. Только и всего. Никогда он не считал *тех-кто-смотрят* – врагами рода человеческого, каковыми считали их все эти Хранители...

Маг прервал свою мысленную речь. Ему вдруг показалось, что кроме него в комнате кто-то есть. Он осторожно открыл глаза и огляделся.

И – никого не увидел. Но чувство присутствия кого-то – то самое, чуть коснувшееся его недавно – все еще сохранялось. Впрочем, оно начало быстро таять, это чувство, как ком снега в горячей воде – и вскоре истаяло окончательно.

Но Маклак понял, что его снова услышали.

Слезы выступили на его глазах. Быть может, скоро Высокий Народ явит ему свою милость? И спасет, вытащит его отсюда?

Глава 4

С самого рождения ему приходилось труднее, чем остальным. Когда мамаша была им беременна, ее сбил с ног бодливый бычок. Думали, ребенок мертвым родится, а он родился живым. Правда, левая нога у него оказалась кривовата и короче правой, личико было – темным и сморщенным, как у древнего старика, а нос – маленьким и вздернутым, до жути напоминающим поросычий пяточок. Жители деревни, как увидели младенца, хотели уж было отнять его у матери и сжечь. Больно похож оказался новорожденный на отродье демона. Но потом вспомнили про случай с бычком... да еще обратили внимание на папашу, тоже красотой не блиставшего... В общем, оставили мальчишку в покое.

На шестой день после рождения, как полагается, он получил имя. Ему и тут не повезло. Папаша назвал его Аж. В честь своего деда, который явился когда-то в эту деревню невесть из каких краев. Что за имя – Аж? Будто зевнул кто-то... Когда Аж подрос, папаша уверял его, что в тех землях, откуда пришел дедушка, это имя считается славным именем и дается отпрыскам уважаемых семей. Правда, из каких именно земель пришел давно почивший дедушка, папаша сказать не мог. Не знал он, и что заставило отпрыска уважаемой семьи пройти долгий путь, чтобы в конце концов прибиться к крестьянам, выстроить хибарку на краю деревни, получить надел в болотистой низине, надорваться в этой низине и помереть, только и успев что жениться и дать жизнь единственному сыну.

Аж подрос, и по имени его называть стали редко. Дали прозвище – Полторы Ноги, потому что увечье его с годами никуда, конечно, не делось. Ну, шпыняли деревенские пацаны его по малолетству, не без этого, а он за ними не бегал. По хозяйству матери помогал, в лес ходил: силками птиц ловил, грибы приносил. Как подрос Аж Полторы Ноги, деревенские присмотрелись и удивились: а ведь парень-то вполне себе даже ничего. Ну, хромой. Ну, на рожу, прямо скажем, не принц. Нос как был поросычьим пяточком, так и остался. Так ведь с лица-то воду не пить. Вон у баронского кузнеца, того, что в замке живет, вообще носа нет – по пьяной лавочке сам себе молотом промеж глаз засветил – так никто отсутствием носа кузнеца в нос не тычет. Попробуй тыкнуть, кузнец тебе за это сам так тыкнет. Не то что без носа, без башки останешься... Нос это что? Так, ненужный бугорок. Зато Аж, несмотря на свои полторы ноги, самый работающий парень в деревне. В низину, где надел его, земли натаскал с лесной опушки – три года в корзине на собственном горбу таскал вместе с отцом, и урожай снимали не хуже, чем у прочих. Оброк барону исправно платили. Зимой Аж не бездельничал, научился горшки из глины лепить и обжигать. Овец завели. И каждую осень вместе с мешком зерна отвозили на телеге старосты в баронский замок еще и овечью тушу... Стало Ажу пятнадцать лет, и начали на него девки по-особому поглядывать. А он – словно назло всем – взял и выбрал в жены Ильку: девку низкорослую, почти карлицу, да еще и болезную, припадочную. А мог бы и Авлену в свой дом привести – старостину дочку. И сам староста Барбак вроде бы не против был... Эх, зажил бы Аж тогда! Но он, будто привыкнув преодолевать трудности, боялся сойти с предначертанного богами нелегкого своего пути, должно быть, чтобы не разгневать их... Но и с припадочной Илькой Аж жил не хуже, чем другие деревенские. Собственную хижину отстроил рядом с родительской. В два года замужества Илька родила ему двоих детей, на удивление здоровых, правда, мелких и некрасивых, как крысята. Да и сама как-то похорошела, округлилась. И припадочки у нее теперь случались не каждую неделю, как раньше, а раза два в месяц – не чаще.

Именно привычка добиваться своего вопреки неизменно враждебной ему действительности заставила Ажа двинуться через лес к дому охотника Варга вечером. Кто другой отложил бы это дело до утра следующего дня, но Аж был не из таких. Его нож, доставшийся

ему от отца, сточившись до тоненькой тусклой полоски, сломался. А как в хозяйстве без ножа? Металл дорог, и достать его негде. Кузнец из замка для крестьян ковать отказывался – потому что у него договоренность со старостой Барбаком. Тот у кузнеца скупал ножи, топоры, мотыги и прочие металлические изделия – и продавал их деревенским уже от себя. То есть не продавал, конечно. Откуда у крестьян монеты? Выменивал на яйца, мясо, шкуры и зерно... да на что попало выменивал. Аж вчера было сунулся к нему, а Барбак заломил ему за нож – целую овцу! Явно ту старую обиду за дочку не простил. Кроме как к Варгу, податься Ажу было некуда. Охотник жил небедно, хотя земли не пахал и оброков не платил. Уж лишний нож-то найдется. А старательно выделанная овечья шкура да пара кувшинов – плата хорошая.

К Варгу Аж добрался, когда солнце уже село. Жилище охотника и в дневную пору никто из деревенских разыскать не сможет, а тут – ночь, да еще и в лесу. Но Аж с малых лет здесь все тропки звериные знал и с закрытыми глазами дорогу мог найти. Заблудиться он не боялся. Он боялся кое-чего другого... И в тот момент, когда багровый отсвет заката погас на древесных листьях, когда небо в прогалах ветвей потемнело, когда деревья превратились в шепчущих что-то угрожающее косматых многоруких великанов, в животе у Ажа все-таки противно заныло. Но дом Варга был вот уже – рукой подать.

Хороший дом выстроил себе охотник. Приземистый сруб, окруженный высоченным частоколом, в котором прорублена низенькая калитка, запираемая на массивный засов. В таком доме нестрашно жить даже в глухом лесу. Хотя – в связи с тем, что в последнее время творилось в окрестностях деревни по ночам, – Аж и в таком доме-крепости в лесу поселиться не рискнул бы.

Варг, жилистый, длиннорукий и длинноногий мужик с исхудалым мрачным лицом, отпер ему калитку сразу, будто ждал. Провел в дом. На скамье, укрытая одеялом из волчьих шкур, храпела его жена – удивительно толстая баба. За столом сидел взрослый сын, погодок Ажа, строгал полено. По бессмысленному выражению лица и неумелым движениям было понятно: парень просто занимает руки, а не изготавливает что-то дельное. Варг помял в руках овчину, посопел носом, бросил овчину на скамью. Кувшины, которые были завернуты в овечью шкуру, он пощелкал сильным узловатым пальцем и, одобрительно цокнув языком, поставил на полку. Затем без слов сунулся куда-то за одну из скамей и достал оттуда длинный кривой нож с простой деревянной рукоятью. Аж обрадовался: охотник-то явно продешевил! Таким ножом и воин не побрезгует – мощное оружие, особенно в умелой руке. Интересно, откуда у Варга этот нож?

Сделку отметили парой кружек крепкого пива, которое тоже нашлось у хозяина. Варг не против был налить еще кружку, но Ажу пора было возвращаться домой.

– Остался бы, – сказал ему на это охотник. – Сам знаешь, по ночам шастать сейчас никак нельзя. Не ровен час... худое может случиться.

Аж действительно знал. Поджилки тряслись при мысли о том, что ему предстоит идти через ночной лес. Но такова уж была его натура: не мог он позволить себе дать слабину и покориться воле обстоятельств. Раз уж задумал навестить охотника и в тот же день вернуться, значит, так тому и быть. С рассветом предстояло выйти в поле и трудиться там до темноты. Он уж и так целых полдня потратил, чтобы приобрести нож. А за эти полдня сколько можно было всего сделать!

– Так это... – неуверенно сказал парень. – Оно всегда ведь на дороге рыщет, что близ леса проходит. Не было еще ни разу случая, чтобы оно нападало на тех, кто через лес идет...

Как и прочие крестьяне, Аж был уверен в том, что не следовало называть чудовище его именем, оно могло услышать и явиться.

– Не было случая, – хмыкнув, подтвердил Варг. – Потому как таких дураков, чтобы по ночам в лесу шараться, нет. Вчера вот после полуночи... – приглушив голос, проговорил

он, – ка-ак завывло прямо возле дома – близко-близко. Проснулись мы, светильник зажгли, так до самого света и просидели. Страшно.

– Страшно, – согласился Аж. А сам подумал: каким надо быть отчаянным человеком, чтобы продолжать жить в лесу, вдали от людей, когда оно, кроме того, чтобы нападать на случайных путников на дороге, иногда подбирается и к самой деревне...

Сын Варга, отложив свое полено, превратившееся в тонкую палочку, проворчал что-то, убрался в угол, улегся на крытую шкурами кучу веток. Охотник Варг объявился в этих краях года четыре тому назад. Сам-то он довольно часто выбирался из леса. То в деревню, то к баронскому замку: продавал или выменивал дичь. А его сын и толстая жена, кажется, вовсе дома никогда не покидали. Когда случалось Ажу войти в жилище охотника, женушку его он всегда заставлял спящей или дремлющей все на той же скамье. Сын – или тоже спал, или забавлялся какой-нибудь безделицей: вязал узлы из веревок, строгал палки, гонял пальцами по столу муравьев и вшей... Ни жена охотника, ни его сын никогда не обращали на гостя никакого внимания.

– Под скамьей ляжешь, – сказал Варг, подливая Ажу в кружку. – И тепло, и сухо. А как солнце выглянет – пойдешь.

Ажу польстила такая забота. Ведь охотник, почитай, ни с кем, кроме него, приятельства не водил. Конечно, их отношения даже приятельскими назвать было трудно, но все ж таки... И тем не менее парень, поблагодарив за приглашение, допил кружку и поднялся.

– Пойду я, – сказал он.

– Как знаешь, – тут же став равнодушным, ответил Варг.

Когда грохнул засов запираемой калитки за его спиной, парень сглотнул. За частоколом не было видно света в окне дома охотника, и лес – такой привычный и безопасный ясным днем – теперь представлялся враждебной человеку чащей, в густой темени которой таились до поры до времени страшные существа. И полная луна тарасилась с неба выпученным белым глазом. Полная луна – а это значило, что чудовище уже вышло на свою кровавую охоту.

Потрогав рукоять заткнутого за пояс ножа, Аж двинулся в путь. Ходить по лесу ему было не впервой, но сейчас он торопился, почти бежал, оттого и натыкался то и дело на ветви, спотыкался о корни. Пару раз казалось, что он заплутал. Тогда парень останавливался, задирает голову и по распухшему в небесной мгле лунному шару определял верное направление.

Словно назло, в голову лезли пугающие мысли. С тех пор как близ деревни появилось оно, погибло уже четверо крестьян, а на дороге один за другим нашли шесть трупов прохожих незнакомцев. Десять человек получается, почти дюжина... А сколько еще оно уволокло в лес, так что тел найти нельзя было?! Аж припомнил жуткие рассказы очевидцев, обнаруживших трупы жертв чудовища. Все тела были обнажены, страшно изуродованы и буквально плавали в лужах крови. Мясо с тел оно обгладывало до костей и, видать, жрало одежду вместе с мясом. Вокруг тел находили жалкие клочки ткани.

Аж торопливо забормотал молитву Милостивой Нэле и Илле Хранительнице.

С неделю тому назад перепуганные крестьяне, так и не осмелившись изловить чудовище своими силами, отправились молить о помощи барона. Барон Жаром послал пятерых ратников на охоту за ним. Ратники безрезультатно проблуждали по лесу весь день и остановились на ночлег у дороги: чтобы предупреждать об опасности путников, если таковые покажутся. Ближе к рассвету один из воинов отошел по нужде. Его товарищи, услышав отчаянный вопль, кинулись на помощь, но помочь несчастному не успели. Тот умер, так ничего им и не рассказав: трудно говорить с разорванным горлом. Впрочем, кажется, и чудовище

получило рану – при ратнике не обнаружили его меча. Должно быть, он изловчился-таки вонзить его в чудовище, и оно унесло оружие в своем мерзком теле...

Позади Ажа послышался шорох.

Темный лес всегда пугает запоздалого путника – то скрипнет древесный ствол, то хрустнет ветка, то крикнет ночная птица... Зная об этом, Аж не стал останавливаться и прислушиваться. А припустил еще быстрее. Увечная его нога заныла от нагрузки, но он продолжал бежать.

Позади снова что-то зашуршало и затрещало – и на этот раз отчетливей и громче. Теперь сомнений быть не могло: кто-то шел вслед за парнем, быстро и не особо скрываясь. Когда Аж это понял, он завопил от ужаса. Каким он был дураком, что отказался переночевать у Варга!

Парень выхватил нож. Но что было толку в этом ноже? Если уж обученный баронский ратник не сумел отбиться от чудовища мечом... То какие тогда шансы у бедного крестьянского парня, еще к тому же хромононогого?.. Он едва удержался от искушения выбросить нож вообще – так было бы легче бежать.

Какая-то коварная коряга подвернулась под ноги Ажу. И он, споткнувшись, рухнул лицом вниз в прелый ковер гнилых прошлогодних листьев.

Тотчас на него навалилась страшная тяжесть. Перебив запах прелых листьев, в нос Ажу ударила вонь мокрой псины, а над ухом клацнули мощные челюсти. Заорав, парень рванулся изо всех сил, хотя и понимал, что скинуть с себя чудовище ему не удастся.

Неизвестно, кто расслышал его поспешную молитву: Нэла Милостивая или Илла Хранительница – но кто-то из них явил самое настоящее чудо. У Ажа все-таки получилось освободиться. Он перекатился на спину и взмахнул сразу обеими руками, упреждая новый бросок чудовища. Сгусток тьмы, показавшийся парню невероятно громадным, на миг закрыл от него шар луны, жуткая морда – раззявленная пасть, утыканная длинными зубами, и мутно-синие, как у утопленника, глаза – возникла перед лицом парня. Обеими руками Аж ударил в эту морду. И попал.

Раздался хриплый рев, чудовище метнулось куда-то в сторону, и луна прыгнула в глазах Ажа. Он вскочил на ноги и бросился бежать. Но рев настиг его. Острая боль захлестнула левое плечо парня – точно его окатили целой лоханью крутого кипятка. Аж даже не закричал – он захлебнулся криком. Закрутившись на месте, беспорядочно замахал ножом. И снова кривой клинок полоснул чудовище.

Оно захрипело и отпрянуло назад.

И тогда Аж побежал. Не выбирая направления, просто подальше от всего этого кошмара. Никогда в жизни он так не бегал.

Ему повезло. Он мог бы сослепу влететь в самую чашу, и тогда оно уж точно добралось бы до него и покончило с ним. Но, когда парень уже начал выбиваться из сил, когда во рту стало солоно от крови, поднявшейся из надорвавшихся легких, темень впереди него стала таять. Деревья расступились, и парень, вырвавшись на лесную опушку, в изнеможении упал в траву.

Но тут же вскочил снова. В ушах его все еще стоял хриплый рев, глаза все еще видели неясный, но оттого еще более пугающий громадный силуэт. Надо было двигаться дальше. Ни за что нельзя было останавливаться. Чудовище отстало, да. Но теперь Ажа подстерегала новая опасность – не менее ужасная. Требовалось добраться до тех, кто сумеет помочь. Сейчас Аж сам себе помочь не мог... Эта рана...

Впереди на холмах мерцали огоньки деревенских домов. Всклипывая и шатаясь, крестьянин побрел на свет этих огоньков. Левого руки он не чувствовал вовсе. Левая часть спины онемела. Левая нога – та самая, искривленная от рождения – все подламывалась. Ажу каза-

лось, что он облит собственной кровью от макушки до пяток. Почти уже войдя в деревню, парень едва удерживал сознание – у него кружилась голова, а к горлу то и дело подкатывала тошнота. Залаяли, завизжали и завyli деревенские собаки, словно почуяв приближение чужака. Они прекрасно знали Ажа, но, видно, тот нес с собой вонь чудовища...

Крестьянин постучался в первый же дом, но к тому времени настолько обессилел, что даже не понял, кому этот дом принадлежит. Ему открыли. Бородатая изумленная физиономия мутно замаячила перед парнем.

– Огня... – захрипел Аж. – Огня...

Он ввалился в дом и все-таки упал. Кто-то что-то говорил ему, но смысла слов пострадавший разобрать не мог. Кто-то наклонился над ним и, вероятно разглядев его рану, вскрикнул от ужаса и отвращения.

– Огня... – стонал Аж. – Огня!.. – молил он, силясь, чтобы его поняли.

И его поняли.

В доме подожгли смоляной факел. Потом охваченное трескучим пламенем оконечье коснулось раны на плече Ажа. Странно, но боли он не почувствовал. Раздалось шипение. Почуяв вонь горелого мяса – своего собственного мяса, – Аж, наконец, лишился чувств.

Четверо всадников ехали по высокому речному берегу – вдоль по течению, туда, где далеко-далеко на горизонте широкое русло реки изгибалось и пряталось за хмурую тучу леса. День клонился к закату. Раскаленное солнце медленно опускалось в потемневшую воду и, казалось, вот-вот зашипит.

Всадники ехали небыстро и друг подле друга – цепью. Это позволяло им, всем четверым, вести разговор, не слишком напрягая голос.

– Ты говоришь, брат Герб, эльфы так же подвержены страстям, как и люди, – произнес Кай. – Но разве допустимо жертвовать жизнями тех, кого оберегаешь и о ком заботишься, ради своего личного сиюминутного желания?

Ехавший по левую руку от Кая седобородый рыцарь в доспехах, щетинившихся шипами, усмехнулся.

– Брат Кай, – сказал он. – Тебе посчастливилось попасть на Туманные Болота в юном возрасте. Понятие Долга вошло в твою плоть и кровь раньше того, как ты успел узнать, что страсть может накрепко пленить разум. Поверь мне, даже самые лучшие из людей могут обезуметь... от любви, ненависти, жадности, тщеславия... и прочих страстей.

– Это верно, – задумчиво подтвердил Оттар (его конь осторожно переступал копытами на самой кромке обрыва, под которым лениво набегали на бурый песок пологие речные волны), – это верно... Помню, как прибыл я из Северной Крепости в Дарбион. Ополумел же поначалу! У нас ведь, на Ледниках Андара, житуха суровая. Дозоры по скальным ущельям, по ледяным тропам... А как море разыграется – в обе руки по крюку, только так и ползаешь, чтоб не смыло. Брызгами обдаст, обтянет тебя ледяной коркой с ног до головы... Пальцев не чувствуешь. Поневоле ждешь, когда из морской пучины покажется Тварь, чтобы кровь хоть немного по жилам разогнать. Это здесь, на юге, день сменяется ночью, не перепутаешь. А там: полгода темень – глаз коли. Посереет небо, ветер чуть поослабнет, значит – лето пришло. Да... И после этого – Дарбионский королевский дворец! Мягкая перина! Пива и вина сколько хочешь! И главное – бабы!.. Гх-м... – осекся верзила, искоса глянув на принцессу, едушую с другого края цепи. Лития сделал вид, что не расслышала, и северянин продолжал, несколько, впрочем, понизив голос. – Баб-то я до этого и не нюхал даже. А во дворце их – пруд пруди. И ведь сами на шею вешаются, хоть пинками отбивайся: и служанки, и кухарки, и фрейлины, и даже знатные дамы... Первые дни из постели не вылезал, про что другое и думать забыл. Точно говоришь, брат Герб, – от страсти свихнуться легче легкого.

Вот, помню, схлестнулся с одной шмарой. То есть не шмарой, а графией. Но это только одно название, что – графиня. А на деле – самая настоящая...

Тут принцесса, видимо найдя, что пришла все-таки пора заткнуть фонтан красноречия чересчур увлекшегося воспоминаниями Оттара, звучно прокашлялась. Верзила замолчал и сделал вид, что очень занят приведением в порядок перекрутившихся поводов. Седобородый Герб довольно сурово взглянул на него, и Оттар, вздохнув, извинился перед Литией.

– Мы определяем своих врагов – как Тварей, – заговорил Кай, напряженно размышлявший все время, пока Оттар предавался воспоминаниям о сказочной жизни во дворце. – Что есть Тварь? Нелюдь, враждебная людям. Не-человек, враг рода человеческого. Когда я – вопреки правилам Кодекса – обнажил свой меч против людей, я рассуждал так: если человек встал на сторону Твари – он сам стал Тварью...

– Сражаясь против людей – магов, призывающих демонов, – продолжил за него Герб, – ты уничтожил и демонов, и магов. И гвардейцев, которых привели с собой маги.

– Я бился не с людьми, – упрямо покачал головой Кай. – Я бился с Тварями. То есть... тогда я видел перед собой Тварей, а не людей. А сейчас... глядя в прошлое... я не знаю. До сих пор не могу разобраться, прав я был или неправ.

– Людей легко запутать и обмануть, – подала голос золотоволосая принцесса. – Сегодняшним утром мы в этом очень даже хорошо убедились.

– Мне кажется, – проговорил юноша – рыцарь с седыми прядями в черных волосах, – следует отличать заблуждение от сознательного выбора.

Лицо Кая было сосредоточенным, печать внутреннего беспокойства лежала на этом лице. И сейчас, и во время утренней битвы рыцарь выглядел так, будто самым необходимым для него было обдумать какое-то решение. Точно та мысленная битва, которая вот уже долгие дни гремела в пространстве его разума, во внутреннем его мире, была неизмеримо важнее всего, что происходит с рыцарем в мире внешнем. Вернее, не так... Очевидно, эта обезумевшая орда, напавшая на путников сегодняшним утром, не шла ни в какое сравнение с незримыми и неведомыми чудовищами, атакующими разум рыцаря.

– Человек не может становиться на сторону Твари! – вдруг сказал Герб – громко и отчетливо. Так, словно эта мысль только что пришла ему в голову. – Потому что Тварь противоположна Человеку... Потому что это невозможно. Это противно здравому смыслу. Это противоречит природе. Человек не может встать на сторону Твари. Он может лишь ошибочно полагать, что использует силу Твари для каких-либо своих целей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.